

Александр Иванченко

ТРУБКА КОРСАРА

Очерк

Счастливый Роджер

В пятницу, 21 марта 1592 года, у атлантического выхода из Магелланова пролива пиратская бригантина «Блэк дез» («Черная смерть») атаковала «Инфанту» — четырехмачтовый галеон, шедший с перуанским золотом в Испанию. У этого события, имевшего значительные последствия для истории географических открытий, было романтическое начало.

В январе того же 1592 года капитан бригантин, известный среди корсаров как Джереми Дэвис (настоящее имя Джон Фредерик Дэвис), напав в Карибском море на французское судно, захватил в плен юную путешественницу графиню Терезу де Бурже. Сорокадвухлетний пират предложил французенке руку и сердце. Брак с графиней для него вовсе не являлся чем-то сверхъестественным. Джереми был сыном английского лорда — владельца обширного поместья, судоверфи и фабрики по изготовлению парусины.

Двадцати одного года от роду, закончив Ливерпульские мореходные классы, Дэвис взял одну из отцовских бригантин, нарек ее грозным именем и предпочел государственной службе судьбу вольного морского разбойника. За измену королю и пиратские нападения на отечественные корабли суд Англии заочно приговорил его к смертной казни. Но привести приговор в исполнение было не так просто. Бесстрашный смертник гулял по морям-океанам. Он был знаменитым корсаром и по-прежнему оставался лордом, о чем у него имелось свидетельство с солидной королевской печатью. Джереми предъявил его юной графине, дабы та не подумала, что на ее руку претендует обыкновенный разбойник.

Тереза де Бурже была, однако, не из тех, на кого светский титул мог произвести впечатление. Сохранились дневники графини, из которых видно, как происходило сватовство и как вела себя при этом пленная французенка.

«...Я содрогалась от ужаса, ожидая, как мне казалось, неизбежного. Варварский наряд людей с бригантин, чьи грубые небритые лица были синими от неумеренного потребления рома, не оставлял никаких сомнений, в чьи руки я попала. Нисколько не смущаясь присутствием на корабле дамы, хотя бы и пленницы, эти люди позволяли себе работать или празднично сидеть на палубе обнаженными до пояса. Приличные шляпы я видела на очень немногих. Все другие украшали головы красными повязками, напоминавшими косынки парижских мясников.

Неделю я провела в уединенной каюте, возле которой неотступно несли службу охранников два корсара. Мне подавали обильную пищу, требуя отведать каждого угощения, и дважды на дно приказывали одеваться для прогулки. В те часы, когда я стояла на палубе, с радостью и тревогой вдыхая морскую воздух и тоскуя о свободе, ко мне подходил Джереми. На его вопрос о моем здоровье, заданный с неизменной приветливой улыбкой, чаще всего я не отвечала. Не сказав более ничего, он уходил, поигрывая резной индейской палочкой, которую всегда имел при себе. Я же оставалась в недоумении и еще большей тревоге. Вопреки всем страданиям уже тогда что-то будило во мне к нему симпатию. Его высокие из ярко-желтого сафьяна ботфорты мне казались ужасно безвкусными, но сказать подобное о камзоле я не могла. Шитый золотом голубой испанский бархат безупречно облегал его фигуру и хорошо сочетался с цветом глаз.

На восьмой день Джереми сделал мне предложение, предъявив королевское свидетельство о своем звании лорда, на которое я не обратила внимания, не придав ему значения. Растерянности у меня не было, с уверенностью могу сказать лишь о возникшей у меня в ту минуту новой решимости к сопротивлению. Но вскоре я успокоилась. Предложение Джереми открыло мне, зачем понадобилась эта неделя невыносимого для меня выжидания. Он имел намерение дать мне время осознать свое положение, чтобы затем без труда получить мое согласие.

Вспышка гнева только обнажила бы мою подчиненность обстоятельствам. Сдержав чувство справедливого возмущения, я изобразила на своем лице удивление, сказав небрежно: «Благодарю вас, капитан. Если весть о вашем предложении дойдет до Парижа граф Франсуа де Бурже будет польщен». Мной владело желание показать свое бесстрашие. Только так я могла добиться у этих людей уважения и права на независимые поступки в

дальнейшем. Да простит меня господь бог, не видя никакой возможности уйти от судьбы, я с тайной пылкостью готовила себя к необычному...»

Скрытая за холодной внешностью пылкая натура Терезы де Бурже жаждала острых ощущений. В то же время графине была не чужда и практичность. Понимая, что, став женой пирата, она должна будет порвать всякую связь с родительским домом, а тем самым потерять право на наследство, графиня желала прежде, чем пойти под венец, обеспечить свое будущее. Джереми обещал все устроить. Ему как раз сообщили, что из перуанского порта Кальяо вышел галеон с золотом. «Блэк дез» без промедления двинулась ему навстречу, к Магелланову проливу.

Испанские галеоны были особо прочными, труднопотопляемыми кораблями, которые строились специально для перевозки ценностей. На них устанавливалась мощная артиллерия и плавали отборные, прекрасно вооруженные команды. Двадцатидвухпушечная бригантина с полсотней корсаров шла против громадины, имевшей на борту восемьдесят четыре пушки и почти двести аркебуз.

Джереми привык побеждать. Теперь же, когда этого требовали интересы его женитьбы, он стремился к победе вдвойне. Призрак богатой добычи увлек за капитаном всех корсаров. Недостаток в численности им восполняла отвага.

Вот уже в борт галеона вцепились абордажные крючья, завязался жаркий рукопашный бой и тут... Редко отступавшие корсары были вынуждены обратиться в бегство. Благо они вовремя заметили, как из пролива вышли еще три испанских корабля. Это был запоздавший эскорт галеона, о существовании которого пираты не подозревали.

Корабли пустились в погоню за бригантиной. Она мчалась на восток, куда дул попутный ветер. Испанцы не отставали. От быстроходного пиратского корабля они держались всего в двух-трех милях. При свете полной луны им хорошо было видно бригантину даже ночью.

На второй день утром впередсмотрящий на фок-мачте «Блэк дез» неожиданно крикнул:

— Земля!

Прямо по курсу показался неизвестный берег. До него было миль восемь. В окуляре подзорной трубы отчетливо вырисовывались высокие мрачные утесы, изрезанные многочисленными бухтами. На подступах к ним повсюду из воды торчали камни.

Бригантина попала в ловушку. Поворачивать на север или на обход неожиданной земли, не было смысла. В бою с галеоном «Блэк Дез» получила тяжелые повреждения и в бейдевинде испанцы легко бы ее настигли. Оставалось либо выброситься на неизвестный берег если камни позволят к нему подойти, либо сдаться на милость преследователей, которые, судя по всему, решили расправиться с пиратами любой ценой.

Кормчий бригантины правил к берегу. Еще пять миль, четыре... Вдруг заполоскались нижний фор-марсель и фок, потом начали обвисать другие паруса. Ровно дувший ветер внезапно утих. В миле от берега бригантина остановилась. Потеряли ход и корабли испанцев.

До полудня бригантина и корабли лежали в дрейфе, ждали, когда задует ветер. Испанцам казалось, что корсарам от них не уйти. Преследователи видели и неприступный скалистый берег, тянувшийся далеко на север и юг, и непроходимые камни вблизи него. Испанцы также знали, что в бейдевинде идти с обычной своей скоростью бригантина не в состоянии. Они поняли это в первые же часы погони.

Судьбе, однако, было угодно сохранить пиратам жизнь и свободу, а их капитану даровать к тому же место в истории.

В полдень на море опустился туман. Пространство, отделявшее бригантину от испанских кораблей, заволкло густой сизой завесой. Воспользовавшись этим, корсары на шлюпках двинулись к берегу. На буксире они тащили за собой бригантину. Продовольствие, бочки с пресной водой и корабельные ценности были перегружены в шлюпки.

Джереми решил обмануть испанцев. Он был уверен, что «Блэк дез» на камнях разобьется. Но там, где не пройдет большой корабль, могут пройти шлюпки. Когда рассеется туман, испанцы увидят останки пиратского корабля и наверняка подумают, что его экипаж погиб. Корсары же успеют скрыться где-нибудь за скалами.

Против ожидания в гряде камней оказался проход и для бригантины. Тогда Джереми изменил план. Пираты спрятались за скалами сами и скрыли от глаз испанцев бригантину. На камнях же оставили разбитую шлюпку, ключья старых парусов и судовую мелочь, которая всегда всплывает при кораблекрушении. Для большей убедительности в расщелине одного из подводных камней закрепили верхнюю часть обломанной мачты.

Джереми не ошибся. Веселый рожер, как называли тогда пиратский флаг, на этот раз оказался счастливым. Испанцы действительно сочли корсаров погибшими и повернули назад. Неведомый берег их не заинтересовал.

Честь первооткрывателя Фолклендских островов досталась английскому пирату Джереми Дэвису, или Джону Фредерику Дэвису.

... На моем столе лежит древняя индейская трубка. Красная гончарная глина посерела от времени и стала гладкой, как мрамор. Края трубки чуть выщерблены. На коротком прямом чубуке едва угадываются резные линии узора.

Когда-то эту трубку курил Джереми. В пиратском роду Дэвисов она хранилась почти четыреста лет и вот теперь по воле случая попала ко мне. Трубка корсара — одна из самых дорогих моих реликвий. Глядя на нее, я вспоминаю свое путешествие на Фолкленды и встречу с потомками знаменитого корсара.

Столица Антарктики

Второй день над «неистовыми» пятидесятью широтами светило солнце. Оно было по-зимнему неяркое, но окружающий мир под его холодными лучами изменился до неузнаваемости. После свирепых штормов с метелями и ледяными ливнями вдруг полный штиль. Ни зыбки.

Мы шли в Порт-Стэнли — главный порт и единственный город Фолклендского архипелага. Он стоит на северо-восточном берегу острова Восточный Фолкленд.

От поворота в узкий, как река, залив до самой якорной стоянки путь нашему кораблю показывал дельфин. Лоцман, высокий тощий англичанин, говорил лишь, какая где нужна скорость. Но и это было излишним. Дельфин, резвясь и играя, все время держался метрах в сорока впереди корабля. Когда же судно подходило к опасному месту, расстояние между нами начинало сокращаться. Замедляя свои грациозные прыжки, дельфин как бы предупреждал: «Тише ход!»

Надвинув на лоб капитанскую фуражку, лоцман похихивал сигарой. Глаза его улыбались.

— Бэби знает фарватер не хуже меня.

Оказывается, девять лет назад этот дельфин, тогда еще малыш, отбилась от стаи и чуть было не погиб. В здешних водах откуда-то появилась тропическая разбойница — рыба-меч. Дельфиненок, видимо, принял ее за своего сородича. Когда она ринулась к нему, чтобы пронзить его своим острым, как шпага, оружием, он весело поплыл ей навстречу.

Малыша спас меткий гарпун, вовремя брошенный с «Каталины» — старой рыбацкой лодки.

Убитую акулу (она весила килограммов семьсот) на буксире потащили в порт. Дельфиненок сначала был обескуражен. Казалось, внезапную перемену в поведении акулы он находил странной. Так охотно согласилась с ним играть и вдруг сразу затихла. Потом малыш всполошился. Тыкаясь носом в громадную рыбину, начал выталкивать ее голову из воды, как это делают дельфины, помогая друг другу в трудную минуту, чтобы дать пострадавшему сородичу возможность дышать.

В порту акулу подняли на пирс. Оставшись один, дельфиненок долго метался по бухте. С пирса ему бросали рыбу, но он не обращал на нее внимания. Ему хотелось найти акулу. Дельфиненок то кружил вокруг ставшей на прикол «Каталины», то нырял под пирс, то снова носился по бухте.

Утром рыбаки опять выходили в море. Дельфиненок был тут как тут. Вероятно, он не покидал бухту всю ночь. Удивительнее всего то, что малыш уже знал «Каталину». По заливу шли рядом три лодки, все в общем одинаковые, но Бэби (так его окрестили в то утро) плыл именно за «Каталиной». Он не отходил от нее весь день. А вечером, когда она возвращалась в порт, вдруг вырвался вперед. Словно приглашал рыбаков идти за ним. Он вел их к причалу, точно к тому месту, где они вчера останавливались.

На следующий день все повторилось. Бэби не расставался с «Каталиной» два летних месяца.

С наступлением осенних холодов рыбаки выволокли свои лодки на берег. Без «Каталины» дельфиненку было скучно, и он подружился с лоцманским катером, который и осенью, и зимой выходил в море встречать корабли, идущие в Порт-Стэнли. Через несколько месяцев Бэби так поднаторел в лоцманском деле, что вскоре и сам стал заправским «лоцманом».

Фолклендские, или Малуинские, острова лежат в двухстах шестидесяти милях восточнее атлантической горловины Магелланова пролива, между 51-м и 53-м градусами южной широты. В северном полушарии это параллели Лондона, Курска и Воронежа. Но нет здесь ничего, что напоминало бы природу Англии или средней полосы России. Омытые холодным субантарктическим течением, берега Восточного Фолкленда, самого большого из двухсот островов архипелага, с моря кажутся голой каменистой пустыней. Даже когда светит солнце, над грязно-бурой холмистой землей висит вязкий туман. В непроглядной дали, возвышаясь над клубами низко ползущих туч, расплывчато виднеется скалистая громада горы Асборн. Ее вершина поднята над уровнем моря метров на семьсот. Когда-то это был вулкан, потом ветер и дождь превратили вулканический конус в бесформенную груду камня.

Фолкленды, — пожалуй, одно из самых дождливых и сумрачных мест на земле. Летом дожди морозящие, нудные, в остальное время года — проливные, с градом и оледеневшим снегом. На островах не бывает больших морозов, но нет и настоящего тепла. В середине лета температура воздуха плюс 10—12 градусов, а зимой ртутный

столбик чаще всего держится на нуле. Солнце выходит из-за туч лишь изредка. Нам просто повезло, что мы увидели Восточный Фолкленд в солнечную погоду.

Пока корабль, следуя за дельфином, медленно шел узким рукавом залива Баркли, на голых берегах мы не видели никаких признаков человека. Гогочущее, свистящее, каркающее царство морских птиц. Хищные кormораны, гуси, утки, буревестники... Над нашими мачтами, словно привороженный, кружил одинокий альбатрос — величавая птица, будто облитая светло-коричневой эмалью.

Поворот, еще поворот... Неожиданно на лобастом каменном мыску появилась старинная береговая пушка. Ржавое жерло нацелено прямо на корабль. Невольно становится не по себе. И недоумение: откуда она взялась на птичьем-то базаре?

Наконец за длинной песчаной косой залив распахнулся — бухта. Как тихое продолговатое озеро. Впереди, чуть правее курса, — полузатопленный трехмачтовый барк. Обломленные рей, висячие обрывки такелажа, прогнувшийся, с побитыми бортами корпус. Но все же это был барк... Месяц назад мы заходили в Пунта-Аренас, чилийский порт в Магеллановом проливе. В гавани там стояли на мертвых якорях барки, клиперы, бригантины. Построенные еще в прошлом веке, они были в таком же запущенном состоянии, как и этот барк на рейде Порт-Стэнли. И все же трудно было оторвать от них взгляд. Дивные видения вставали передо мной. Безбрежный голубой океан, белые паруса, пенный след за кормой... Крылья грез несли меня к тем славным дням, когда парусный флот был владыкой морей и океанов. И вот теперь, в заливе Баркли, я переживал то же волнение. Снова я вижу полные ветра паруса барков, клиперов, бригантин...

А вы, что без конца всю жизнь
Из года в год
Руинам и вещам вести привыкли счет,
Что знаете о нас, которым с детских лет
Дороги озарил жемчужный звездный свет?

Метрах в двухстах от полузатопленного барка стояли ярко расцвеченные прогулочные яхты. В бухте, где в последний раз отдал свои якоря старый барк, эти пластмассовые красотки казались досадным недоразумением.

Смеяться любим мы под грохоты лавин,
И ветер мчит наш смех к далеким очагам.
Мы утром на заре под парусом скользим
По вспененным волнам.
Но зори, паруса — не поклоняться ж им?
До зорь и парусов какое дело нам?

Должно быть, какое-то дело все же есть. За барком на возвышенном правом берегу белыми камнями по замшелому бурому граниту чья-то рука выложила огромный парус и три слова: «Бигль», «Барракуда», «Протектор». Три известных английских корабля, оказавших этой бухте честь своими визитами. Первым был парусный «Бигль». На нем приходил на Фолкленды Чарлз Дарвин.

Когдаходишь в бухту, Порт-Стэнли сразу весь как на ладони. Вдоль левого берега, будто по наклонной шахматной доске, ровными рядами выстроились сотни три маленьких домиков под красными и голубыми крышами. Несколько двухэтажных серых коробок выглядят среди них неуклюжими громадинами. На окраинах города слева и справа изящные островерхие церкви: одна протестантская, другая католическая. Вынесены они на противоположные концы города, словно во избежание соперничества двух религий.

Ближе к воде, на высоком обрывистом мысу, — серого гранита монумент с пушечными ядрами и ковчегом наверху. Памятник, поставленный в честь победы англичан в первую мировую войну. Германская эскадра под командой адмирала графа Шпее в ноябре 1914 года пыталась войти в залив Баркли, чтобы разрушить порт и военные объекты на берегу Восточного Фолкленда, но в бою с английскими кораблями потерпела поражение.

Такого мрачного впечатления, как сам Восточный Фолкленд, Порт-Стэнли не производит. Городишко очень опрятный. Улицы заасфальтированы или выложены брусчаткой, а кое-где на заболоченных местах устланы досками, как у нас в северных поселках. Чистота. На обочинах мостовых и возле многих домов пробивается даже почти зеленая трава и растут кустарники с мелкой густой листвой. У резиденции губернатора и против городского госпиталя они выросли выше крыш. Мы были поражены, увидев настоящую ель. Она была такой же, как и у нас, стройной, с разлапистыми ветвями и мягкой, нежной хвоей, только не зеленой. И на хвое все та же фолклендская буризна.

Хотя весь город можно обойти за сорок минут, мне доставляло удовольствие бродить по нему часами. В архитектурном отношении на берег залива Баркли перенесена вся многоликая Англия, исключая разве что непригодные для здешних мест современные здания из стекла и бетона. На некоторые дома заглядываешься, как на удивительные игрушки: какой-нибудь эдинбургский или плимутский дворец в миниатюре. А всего-то обыкновенный жилой дом.

Над Порт-Стэнли витает дух патриархальной Великобритании. У входа в резиденцию губернатора два солдата, одетые в форму старой шотландской гвардии. Женщины носят платья, которые были модными, быть может, во времена Диккенса. Сосед идет вечером навестить соседа, обязательно нарядившись в официальный черный смокинг.

«Мой дом — моя крепость». Заборы, внушительные, обитые железом двери. Вместо дверных ручек тяжелые бронзовые кольца, которые держат в зубах добродушно оскаленные львы. Если окно выходит на улицу, оно всегда завешено портьерой. На каждой калитке и на дверях дома до блеска начищенная медная табличка: имя хозяина и его социальное положение или место работы и должность. Порт-Стэнли невелик. Кому принадлежит какой дом — известно, но все же...

Ездить в городе некуда, в любой конец легко пройти пешком, а на острове нет дорог. Но автомобиль — свидетель достатка. И во дворах то там, то здесь рядом с теплицами (в них выращивают овощи и цветы) гаражи. Конечно, автомобиль должен быть приличным, то есть по крайней мере довоенным, и непременно британской марки. Самый фешенебельный новейший форд в Порт-Стэнли, видимо, ничего бы не стоил. Во-первых, он не английский, а во-вторых, слишком криклив. Конный экипаж с четырехгранными старинными фонарями куда более приятен. Но иметь «неприличную» американскую прогулочную яхту считается вполне допустимым.

В городе тысяча двести человек населения. Все, естественно, друг с другом знакомы, но при встрече, дабы не прослыть развязным болтуном, никто никому не задаст лишнего вопроса и не скажет ничего, о чем его не спросят. Однако, если мистер Салливен, который собирается купить, допустим, новый костюм, войдет в магазин и сразу, так сказать, без лишних слов будет интересоваться нужным предметом, он рискует навести окружающих на мысль, что ему уже нечего надеть.

Предварительно надо продемонстрировать свое отличное настроение и попытаться завести с продавцом или хозяином магазина (лучше, конечно, с хозяином) этакую непринужденную светскую беседу. Как будто мистеру Салливену ужасно не терпелось повидать мистера Лессинга. Потом, как бы между прочим, можно вспомнить:

— Да, мистер Лессинг, говорят, вы получили какие-то костюмы. Что, есть приличные?

— О да, мистер Салливен, последняя партия очень удачна. Желаете взглянуть?

Мистер Салливен не против. Пожалуй, он посмотрит. Костюм, собственно, ему не нужен, такую покупку на ближайшее время он, кажется, даже не планировал, но если подойдет... Только поэтому покупка обсуждается долго, тщательно и с такой придирчивостью, которая способна вывести из терпения кого угодно, но не мистера Лессинга. Он прекрасно знает, что без покупки мистер Салливен от него не уйдет, а потому с любезным благодушием выслушивает все придирки, на кое-что мягко возразит, но что-нибудь критическое добавит и от себя. Пусть мистер Салливен убедится в его беспристрастии и не воображает, что, если этот костюм мистер Лессинг не продаст, его бизнес не так уж пострадает.

На приеме у губернатора я попросил его назвать самую характерную черту рядового жителя Порт-Стэнли. Сэр Космо Хаскард с улыбкой сказал:

— Я думаю, умение управлять своей мимикой.

В магазин мистер Салливен идет сияющий от счастья (он доволен жизнью, у него все есть, ему ничего не нужно), в церковь входит скорбящим, даже если в этот день его любимая жена родила долгожданного первенца, по улице шагает озабоченным (он не бездельник, чтобы празднично шататься), в официальном месте его лицо — сама деловитость. На людях мистер Салливен остается самим собой разве что в зале кинотеатра... когда погасят свет.

Однажды в пивном баре я наблюдал интересную сцену.

К стойке подошел старик с коротко подстриженной бородой. В нем сразу был виден моряк — один из тех, кто еще на парусниках огибал мыс Горн. Об этом говорили крашенный ноготь на правом мизинце и большая медная серьга в левом ухе — предмет зависти многих моряков времен парусного флота. Такую серьгу имел право носить только тот, кто испытал бури пролива Дрейка. У моряков всех наций это была как бы почетная медаль. Определенный размер и вес, на лицевой стороне — контур созвездия Южного Креста, на обороте — очертания мыса Горн. Вместе с серьгой выдавался специальный диплом за подписью бога морей Нептуна, в котором говорилось, что «сей поименованный мореход, обходя в широтах ураганных край Земли, мысом Горн нареченный, выказал отвагу похвальную да мужество неунывное и не токмо снискал уважение товарищей великое, но и милостью нашей навечно причислен к избранникам нашим».

Мы круги ада все прошли,
На пир к чертям охотно забрели.
В проливе Дрейка, у мыса Горн,
Мы рифы брали, пивали грог.
Эге-ей, ха-ха!
Горячий грог и медная серьга.
Эге-ей, ха-ха!
Горячий грог и медная серьга.

Старику было, вероятно, за семьдесят, но держался он бодро. В зубах у него торчала черная морская трубка, седую голову прикрывала молодецки сдвинутая на затылок зюйдвестка. Брезентовая куртка, грубошерстный серый свитер, узкие парусиновые джинсы. На ногах тяжелые яловые ботинки. Коренаст, приземист, в прозрачно-голубых глазах добродушная улыбка.

— Хэлло, Стив! — вскинув руку, по-приятельски приветствовал он бармена. — Сегодня ты снова не в духе. Я видел тебя утром, ты шел открывать бар. Мне кажется, с утра ты был веселее.

— Хэлло, — мрачно ответил неповоротливый, круглый, как бочка, Стив. — Я очень рад вам, мистер Белчер.

— Ну, если так, тогда кружечку пива, Стив.

Злобно пыхтя, бармен молча налил кружку. Старик пить не торопился.

— Стив, — посасывая трубку, сказал он доверительно и неожиданно грустно, — мое общество на тебя скверно действует, ты становишься хмур, как пролив Дрейка. Да, Стив, с годами у нас портится характер. Я отлично тебя понимаю, Стив. Никто не виноват, что в этом городе один бар и он принадлежит тебе. Ну что, Стив, ты скажешь?

Бармен багровел от ярости.

— Мистер Белчер, прошу извинить меня, ваша кружка налита.

— Да, Стив, ты, как всегда, очень любезен. — Облокотившись на стойку, старик пододвинул к себе кружку, медленно начал пить.

— Хорошее пиво. Что поделаешь, моя слабость. Без пива старый Мартин, как теперешний корабль без мазута. Конечно, Стив, за десять лет я, пожалуй, тебе надоел. Но разве мне нечем платить? Сколько я тебе должен, Стив, ты когда-нибудь скажешь?

Казалось, бармен вот-вот взорвется. Но он нашел в себе силы сказать почти спокойно:

— Мистер Белчер, ваше присутствие в моем баре для меня большая честь, прошу вас не говорить о деньгах.

За столиками в баре сидело человек двадцать. Все делали вид, словно заняты только своим пивом, но вряд ли из этого разговора они упустили хоть слово.

Я слушал и живо представлял себе портовые харчевни старой Англии. В любой из них обладатель серьги Дрейка мог пить и есть бесплатно. Это был неписанный закон, обычай, который никто не смел нарушить. Угостить «избранника Нептуна» почиталось за честь. Если моряк с медной серьгой в левом ухе пытался заплатить хозяину харчевни за угощение, он тем самым выражал свое недовольство. Значит, в харчевне плохо кормили или обслуживали гостей недостаточно расторопно.

Английские бармены в портовых городах ненавидели «избранников Нептуна». Во-первых, они приносили убыток, а во-вторых, от них можно было ожидать какой угодно выходки. Эта братия стояла вне всякого контроля. Барменов спасало только то, что люди с серьгой Дрейка встречались редко. Большинство судов, огибая Южную Америку, предпочитали идти Магеллановым проливом. К мысу Горн шли единицы.

Свое первоначальное значение серьга Дрейка давно утратила. Она по-прежнему существует и так же вызывает у моряков уважение и зависть, но уже никаких прав ее владельцу не дает, даже в Англии. Бывшее отношение к «избранникам Нептуна» сохранилось до наших дней, наверное, только в Порт-Стэнли. Бармен Стив терпит Мартина Белчера десять лет. Брат у старика деньги ему не позволяет страх испортить репутацию бара, а бесплатно поить Мартина десять лет подряд накладно. Старику тоже неловко, но отказать себе в удовольствии выпить кружку пива он не может. Да и не его вина, что о деньгах бармен и слышать не желает. К тому же Мартин убежден, что пить бесплатно ему сам бог велел. Древняя традиция превыше всего!

Этот маленький город, такой далекий от Англии, словно захвачен игрой в английскую старину.

Мне запомнился госпиталь. Ультрасовременное медицинское оборудование, прекрасные кабинеты, лаборатории, великолепно оформленные палаты для больных. Детская палата носит имя адмирала Ворвуда. Входишь как в сказочное царство. Она вся в картинах. Фантастическая жизнь леса, зверей и моря. Все картины так объемны, что невольно хочется потрогать их. Не вздравдашний ли это лис-комик, наряженный в пышный тюрбан и клетчатую шотландскую юбочку? Не настоящий ли это клипер стремительно мчится по волнам?

В палате лежали два мальчика, больные ангиной. Мы застали их за каким-то спором. Увидев нас, они сразу притихли. Потом один, рыженький, не выдержал, со смехом обратился к доктору, который нас сопровождал:

— Мистер док, Дик говорит, что верхний парус на фок-мачте шхуны называется фор-марселем.

Доктор Слэсар плутовато подмигнул наголо стриженному пареньку, обиженно надувшему пухлые щеки.

— Дик немножко ошибся, он имел в виду фор-брамсель.

В глазах рыженького блеснуло торжество.

— Я же говорил! И на барке. Док, вы знаете, что я сказал Дикю? Я сказал, что капитан Кук плавал на фрегате. А Дик говорит, что у него был бриг. Но это неверно, я знаю совершенно точно: капитан Кук плавал на фрегате. Скажите, док, ведь на фрегате?

Вытянув шею, Дик с надеждой смотрел на доктора.

— Мне кажется, Пети, у капитана Кука было два корабля: бриг и фрегат.

— Два? Почему два? Док, вы ошибаетесь, у одного капитана не может быть двух кораблей.

— Хорошо, Пети, потом я тебе все объясню.

Покинув детскую палату, мы прошли в другое крыло здания. Здесь не было даже больничного запаха. Огромный холл, похожий на громадную гостиную в каком-нибудь саксонском замке. Высоченные потолки, тяжелые темные кресла, камин. В холодном полумраке его пламя косыми отблесками падало на развешанные по стенам портреты пышно разодетых средневековых дам, королей, герцогов.

Массивная дубовая дверь вела на обширный балкон. Она была полуоткрыта. Сидя в кресле-качалке, сухощавая пожилая леди дышала свежим воздухом. Ее седые волосы были по старинной моде завиты локонами. Черное, с высоким глухим воротником платье спускалось до самого пола. На коленях у леди лежал томик Шекспира в старинном кожаном переплете.

— Прошу прощения, миссис Флеминг, — поздоровавшись, сказал доктор Слэсар. — Русские моряки пожелали осмотреть наш госпиталь.

— О, рашен! — Миссис Флеминг слегка кивнула нам головой, и ее сухие узкие губы чуть тронула благосклонная светская улыбка. — Ваш капитан, должно быть, смелый джентльмен. Если мне не изменяет память, русские в нашем городе еще не бывали. Россия слишком далеко.

— Теперь, миссис Флеминг, далеко лишь звезды, да и то не слишком.

— О да, я понимаю, но все же ваша страна далеко. И надолго вы к нам?

— Пока не пополним запас горючего и не закупим некоторые продукты. Недельку, видимо, постоим.

— Как вы находите наш город?

— Очень милым.

— У нас мало солнца, но, если вы любите Великобританию, наш город, я думаю, вам понравится. Конечно, сейчас уже не эпоха Виктории, но что-то все же осталось.

Насквозь английский, Порт-Стэнли своим рождением обязан, однако, не англичанам.

Открыв Фолклендские острова, Джереми Дэвис впоследствии решил здесь поселиться. Но Восточный Фолкленд его не привлек. Для приговоренного к смертной казни пирата, искавшего на старости лет уединения и покоя, больше подходил Бивер — остров на западной окраине архипелага, тот самый, чьи скалы укрыли от испанцев «Блэк дез». Внешне он кажется совершенно безжизненным. Но в действительности условия для жизни на нем лучше, чем на многих других Фолклендских островах. За отвесными голыми утесами, сплошной стеной вставшими между сушей и морем, лежит котловина, заросшая шпажником, сельдереем и целыми плантациями дикого щавеля. На всем архипелаге только в затишной биверской котловине встречаются заросли малины и древовидного кустарника, напоминающего наш северный ивняк. Есть на Бивере и пресноводное озеро, на берегах которого гнездятся гуси и утки. Можно жить, не опасаясь ни голода, ни цинги. А кустарник — отличное топливо.

Скорее всего, на Восточном Фолкленде Дэвис вообще не бывал. Во всяком случае какого-нибудь приметного следа он здесь не оставил.

Колонизацию Восточного Фолкленда начал в 1763 году французский мореплаватель Луи Бугенвиль. На месте нынешнего Порт-Стэнли французы основали небольшой поселок. До этого открытый Дэвисом необитаемый архипелаг считался ничейным, и Франция объявила его своей собственностью, но спустя четыре года по политическим соображениям передала острова Испании. В то время у Магелланова пролива действовала неуловимая эскадра пиратских кораблей под командованием Дональда Дэвиса, правнука Джереми Дэвиса. Как и его прадед, Дональд охотился за богатыми испанскими кораблями. Чтобы покончить с корсарским разбоем, испанцы намеревались создать на Фолклендах военно-морскую базу. Сюда же они хотели сослать неугодных лиц из мятежной Аргентины.

На берегу залива Баркли новые хозяева архипелага построили форт, портовые сооружения и заложили город. Из Аргентины были завезены лошади, крупный рогатый скот, свиньи и много патагонских кроликов. Но вскоре испанцам пришлось все покинуть. Добившись в 1816 году независимости, аргентинцы заставили Испанию уйти и с Фолклендских островов. Большую часть построек они уничтожили, а сам архипелаг продали какому-то дельцу.

Это был период, когда в южном полушарии начинали развиваться китобойный промысел и добыча морского зверя. Сейчас котиков и тюленей на Фолклендах редко увидишь, а тогда, по описаниям очевидцев, их тут было множество. Пройти мимо такого лакомого куска английские промышленники никак не хотели. Воспользовавшись тем, что острова принадлежали частному лицу, могущественная Британская империя установила над ними свою опеку. Для этого не понадобилось никаких баталий. На Восточном Фолкленде вместе с двадцатью беглыми преступниками испанского происхождения и тремя проститутками жил англичанин, некий Генри Дженисон, бывший пират, не поладивший с Дональдом Дэвисом. Ему дали английский флаг, поручили поднять его повыше и бдительно охранять. На том вся процедура с установлением опеки и закончилась. В Порт-Стэнли прибыли первый английский губернатор и отряд морской пехоты.

Укрепившись на Фолклендском архипелаге, Англия взяла под свой контроль весь атлантический сектор Антарктики: Южные Оркнейские острова, Южные Сандвичевы, Южные Шетландские, Южную Георгию и Землю Грейама. Добывать китов и морского зверя в этих районах можно было только по лицензиям фолклендского губернатора. В южной Атлантике Порт-Стэнли стал морской столицей Антарктики. Кроме иностранных китобойных флотилий и зверобойных шхун, регулярно начавших посещать залив Баркли, к фолклендскому порту было приписано много английских промысловых судов. Сюда ежедневно заходили танкеры, сухогрузы, торгово-пассажирские лайнеры. Порт-Стэнли имел спасательную морскую станцию, склады корабельного снаряжения, нефтехранилища, судоремонтные мастерские, заводы по переработке продуктов китобойного промысла и выделке шкур морского зверя.

Порт, драгоценные котиковые меха, китовый жир, масса притонов для моряков и торговля залежалыми товарами приносили колоссальные прибыли. Изожряясь в роскоши, отцы города, строя себе жилые дома, копировали древние британские дворцы и замки. Но всему приходит конец. Морской зверь в Антарктике выбит, китобойный промысел Англия и многие другие страны прекратили за нерентабельностью. Звезда Порт-Стэнли закатилась. Уехали китопромышленники и большинство тех, кто на них работал, покинули город крупные коммерсанты, содержатели притонов и множество разного рода авантюристов, гревших руки на потоке ценностей и моряцкой бесшабашности. Остались те, кому некуда было деваться и кто сумел приспособиться к новым условиям.

Подобно городам американского золотоносного Севера Порт-Стэнли пережил бурный взлет и сокрушительное падение. Сейчас он держится в основном за счет фермеров, которые разводят на островах овец и молочный скот. Единственное предприятие города — маленькая фабрика по сортировке шерсти. Есть метеостанция, дающая прогноз погоды на Антарктику и пятидесятые южные широты. Есть также небольшая электростанция и радиоцентр. Две церкви, школа, госпиталь, почта, пять или шесть магазинчиков. Порт работает от случая к случаю. Два раза в месяц приходит судно из Лондона, иногда шхуны с соседних островов. Наше появление в заливе Баркли вызвало сенсацию: иностранные корабли в Порт-Стэнли давно не появлялись.

Сейчас шумного прошлого города как будто и не было вовсе. Пройдет редкий прохожий, лениво протрусит стая собак. Нарушить тишину не смеют даже они, бездомные дворняги. Кажется, этой патриархальной тишине не каких-то тридцать лет — века.

И вот теперь, когда Фолкленды едва оправдывают свое существование и, казалось бы, уже ни для кого не представляют никакого интереса, они неожиданно стали причиной международного конфликта. За полгода до нашего посещения залива Баркли в Порт-Стэнли произошло нечто невероятное.

Как-то в полдень на городском стадионе прямо на гаревой дорожке приземлился спортивный самолет с аргентинскими опознавательными знаками. Не выключив мотора, из пилотской кабины вывалился здоровенный детина в полувоенной форме цвета хаки. С минуту неизвестный оглядывался по сторонам, как бы желая убедиться, куда ли он попал. На поясе у него висели гранаты, большой нож и два крупнокалиберных пистолета, под мышкой — целлофановый пакет, в руках — готовый к бою автомат.

На стадионе тренировались бейсболисты. Изумленные спортсмены после первого замешательства побежали было к самолету, но вооруженный детина, дав предупредительную очередь из автомата, приказал им не двигаться. Затем он не спеша направился к флагштоку. Сдернул с него флаг фолклендского спортивного общества и спокойно, с торжественной медлительностью поднял государственный флаг Аргентины, который вынул из целлофанового пакета. Потом заминировал флагшток...

Пока жители Порт-Стэнли опомнились, самолет уже снова был в воздухе, кружил над городом, разбрасывая листовки: «Эй вы, келперы!

К вам обращаюсь я, Мигель Фитцджеральд. Убирайтесь отсюда к чертовой бабушке. Эти острова принадлежат Аргентине».

(Келперы — выброшенные на берег и высушенные морские водоросли, так аргентинцы презрительно называют англичан, живущих на Фолклендах).

На следующий день о дерзкой выходке аргентинского летчика сообщили многие газеты мира. Англия заявила протест и потребовала наказать виновника. Но правительство Аргентины протест не приняло. Оно ответило тем, что объявило Мигеля Фитцджеральда национальным героем. И заодно подало на Англию жалобу в Организацию Объединенных Наций.

Полет Мигеля Фитцджеральда в Порт-Стэнли был подготовлен начатой в Аргентине кампанией за возвращение Фолклендских островов (аргентинцы называют их Малуинскими). В Буэнос-Айресе вдруг решили, что тот делец, которому правительство Аргентины полтора века назад продало Фолкленды, был аргентинским подданным. Конечно, он давно умер. Сейчас никому неизвестно даже его имя, а не только подданство. Может быть, он вообще не был аргентинцем. Аргентинское государство, как таковое, в ту пору только создавалось. Острова мог купить чилиец, уругваец или испанец. А если аргентинец? Значит, престиж Аргентины все-таки ущемлен. Посягнув на частную собственность гражданина суверенной страны, Англия тем самым совершила недружественный акт не только по отношению к этому человеку, но и к его отечеству. Фолкленды должны быть возвращены Аргентине.

Когда Англия в 1833 году аннексировала острова, она вряд ли собиралась чем-либо это оправдывать. Британская империя была одной из сильнейших держав мира. Ее действия никто не оспаривал. Но так было когда-то. Теперь англичанам не остается ничего другого, как копаться в архивной пыли и доказывать, что если в истории Фолклендских островов и была допущена какая-то несправедливость, так только со стороны Франции. Она захватила и затем передала Испании архипелаг, на который имела право лишь Англия. Разве Фолкленды открыл не англичанин?

Спустя почти четыреста лет на свет опять появилось забытое имя Джереми Дэвиса, или Джона Фредерика Дэвиса. Некогда преданное проклятию, оно сейчас зазвучало как самый веский аргумент в притязаниях Англии на Фолклендские острова. Да, Дэвис был пиратом, и как разбойника его объявили вне закона, но он все же являлся англичанином. Кто же, кроме Англии, может претендовать на открытые им земли?

Хотя бы Франция. Как известно, женой Дэвиса была французская графиня Тереза де Бурже. Именно она натолкнула Дэвиса на мысль идти к Магелланову проливу. Не будь на борту корабля Терезы де Бурже, не были бы открыты в тот год и Фолклендские острова. Следовательно, Франция претендовала на архипелаг вполне обоснованно. А раз так, то не вызывает сомнений и законность ее сделки с Испанией. Что же касается Аргентины, то в юго-восточной части Америки, куда относят и Фолклендские острова, она законная наследница Испании как бывшая колония, свергшая тиранию.

Но это абсурд. Кораблем командовала не Тереза де Бурже, а Дэвис. Только Дэвис и никто другой. На борту бригантины «Блэк дез» французская графиня находилась в качестве пленницы. Ее брак с Дэвисом был оформлен после открытия Фолклендского архипелага. А если бы и до открытия, то, выйдя замуж за англичанина, она сама стала подданной Англии.

Но Дэвис был лишен английского подданства. Разве человек, приговоренный к смертной казни, по законам Англии или законодательству любой другой страны, продолжает сохранять права гражданства? Графиню же никто не судил и не мог судить. Среди пиратов на бригантине она была единственным человеком, чьи гражданские права оставались в силе, так как на разбойный корабль графиня попала по принуждению. Отсюда аргентинцы делают вывод: с юридической точки зрения только Франция может сказать, что Фолкленды открыл ее подданный. И второе: хотя брак графини с Дэвисом, возможно, освятила церковь, признать его законным нельзя, ибо Дэвис стоял вне закона.

Спор за право владеть Фолклендами оказался настолько серьезным, что для его разрешения в Буэнос-Айрес пришлось вылететь принцу Филиппу — мужу нынешней королевы Англии. Но когда принц прибыл в Аргентину и остановился в посольстве Великобритании, здание посольства подверглось обстрелу.

Выстрелы одновременно раздавались в Буэнос-Айресе и в Порт-Стэнли. Восемнадцать вооруженных молодчиков из аргентинской фашистской организации «Такуара» повторили трюк Мигеля Фитцджеральда. Силой захватив у себя на родине пассажирский самолет, они прилетели в Порт-Стэнли, чтобы «освободить острова из-под власти Англии и вернуть их Аргентине». Но жители Порт-Стэнли и местная полиция на этот раз оказались начеку. Незваных гостей быстро заставили поднять руки.

Уступать Фолкленды Англия никому не намерена. За эти холодные, забытые богом острова она готова драться.

Доктор Слэсар

Мы познакомились с ним, когда наш корабль входил в залив Баркли. Следом за долговязым лоцманом на палубу поднялся еще более высокий и худой мужчина в штатском. На вид ему можно было дать лет пятьдесят. Он очень походил на жюль-верновского Паганеля. Длинная сутулая фигура, тощая жилистая шея с выпирающим острым кадыком и большая круглая голова. Лоб сократовский, выпуклый, но лицо узкое, продолговатое, с двумя глубокими извилистыми морщинами, идущими от крыльев носа к уголкам широкого тонкогубого рта. На костистом с горбинкой носу неуклюжие очки; сквозь стекла светятся очень подвижные серые глаза. Взгляд удивленно-рассеянный. Внешнему облику Паганеля не соответствовала только одежда. На нем было зауженное в талии темное пальто, накрахмаленная белая рубашка и завязанный крупным узлом шелковый серый галстук с малиновой стрелкой. Тщательно отутюженные серые брюки, тупоносые ботинки. В левой руке он держал замшевые перчатки под цвет обуви. Для полного впечатления не хватало цилиндра и трости. Он был без головного убора. Взлохмаченные ветром, редкие седые волосы падали на лоб, вихрились на макушке, серебристыми перышками торчали за ушами, и от этого весь его respectable вид, как сказал бы художник, «не смотрелся». Милый, простецкий, чуточку растерянный Паганель.

За лоцманом в рулевую рубку он не пошел, остановился на палубе, где собрался почти весь экипаж корабля. Улыбнувшись, неожиданно сказал по-русски:

— Здравствуйте, товарищи!

Вряд ли мы были бы больше поражены, если бы услышали русскую речь на тихоокеанском атолле. Здесь, на сумрачных Фолклендах, это казалось еще более невероятным.

Видя наше изумление, живой Паганель смутился:

— Я исполнять обязанность карантинный врач. Доктор Слэсар — это есть я.— Слова он выговаривал старательно, но с согласованием у него не все ладилось.— Я понятно говорить?

— Да, да, конечно, вы говорите прекрасно. Нам просто не верится, что мы слышим русскую речь.

В его глазах вспыхнула радость.

— О, русский язык я говорить шибко немножко!

В этот момент на палубу, запыхавшись, выбежал наш судовой врач, Залман Аронович.

— Что вы держите человека? Это же карантинщик, я должен решить с ним массу вопросов. Гуд дэй, коллега! Плиз. — И жестом Указал ему путь к судовому лазарету.

Потом, уже в бухте, проводив доктора Слэсара на берег, Залман Аронович сообщил мне:

— Вы знаете, этот Слэсар пригласил меня завтра на ужин. Я сказал ему, что со мной будет мой ассистент. Вы знаете, о ком я говорю? Я говорил о вас.

— Я ваш ассистент?!

— А что?

— Какой же я ассистент? Между прочим, он уже видел меня в матросской робе.

— Ну и что? Вы думаете, он помнит, кого видел? Это была одна секунда. Он запомнил меня, потому что я его коллега. Вы знаете, кто он? Он главный врач больницы. Портовый карантин для него, как для моей бабушки Парижская академия.

— Но, Залман Аронович, это же смешно — ассистент! Лучше бы вы представили меня корреспондентом «Медицинской газеты». По крайней мере я был им.

— Кому это надо? Вы ничего не понимаете. На советском корабле работает врач и он имеет ассистента. Солидно! Скажите мне спасибо, я вам делаю материал, вы напишете целую «Белую акацию»!

В чужой дом в чужой стране приходишь всегда с волнением и тайной робостью. Там, за этим порогом, интимный мир человека, которого до конца, кажется, никогда не узнаешь. Обитель непостижимого. И невольно улыбнешься, заметив вдруг что-то давно знакомое.

Цветы. Хризантемы, гвоздики, астры... Такие же, как везде. Только тут они растут на веранде в больших деревянных ящиках.

Веник, совок для мусора, затоптанный ворсистый половик. В углу на грубоватом табурете ведро с водой и высокая медная кружка. Как в украинских снях.

На веранде доктор Слэсар сказал:

— Я есть... Как это, если без женщины?

— Холостяк.

— Йес, холостяк. Прошу не обращай внимание, если не шибко комфорт.

Скромничал он зря. Чистоте и комфорту в его квартире могла бы позавидовать любая женщина. Все выскоблено, вымыто, нигде ни соринки. И ничего лишнего.

В доме три комнаты: гостиная, спальня, столовая. Отдельная дверь из прихожей ведет на кухню, в которую из столовой прорублено небольшое квадратное окно, чтобы не носить еду через прихожую.

Обстановка гостиной тяжеловесна, но выдержана в определенном стиле и для просторной комнаты с высокими потолками вполне подходит. Светлые палевые обои и такого же цвета гардины приятно гармонируют с неяркими малиновыми коврами и вишневого полированной мебелью. Справа от двери углом стоит сервант с богатой коллекцией китайских фигурок из слоновой кости. Слева столик с напитками и еще один сервант с китайской резьбой. У противоположной стены — камин и два книжных шкафа. Сразу видно, что хозяин увлекается Антарктикой. Солидные академические издания трудов Скотта, Шеклтона, Борхгревинка, Джемса Росса, Беллингаузена. Много книг современных исследователей Антарктики, в том числе и советских. На особом месте труды знаменитого английского ученого Слэсара Моара, принимавшего участие в антарктических экспедициях Шеклтона. Позже наш хозяин сказал нам, что Слэсар Моар его родной дядя.

Возле камина — столик для сигарет, полукруглый кожаный диван и два кресла.

Предложив нам присесть, хозяин извинился, что на минутку должен нас покинуть. Он вернулся с деревянным китайским подносом, на котором стояли стаканы и три серебряных рюмки.

— Виски, черри, водка?

У Залмана Ароновича блеснули глаза.

— Вы имеете водку? Настоящую?

Хозяин довольно заулыбался.

— О да, без дефект! Из Лондона я получать водка, сделанная в Ленинград. Для меня это есть шибко крепко, я пить черри энд вермут.

Он явно собирался нас ошеломить. Серебряные рюмки оказались серебром старинной русской чеканки. На каждой рюмке славянской вязью выгравировано: «Выпьем. Закусим. Завтра поправимся». На внешней стороне донышка еще надпись, мельчайшая: «Новгород. В лето 1761».

Старинная русская чеканка по серебру встречается очень редко, и за границей ценится дороже золота. Сначала я решил, что это подделка, но хозяин показал нам убедительный документ. Покопавшись в книжном шкафу, он достал оттуда плотный лист бумаги с гербовой печатью: заключение экспертов, подтверждающих, что да, рюмки сделаны в Новгороде в 1761 году.

В камине жарко пылал торф. Я сидел в мягком кресле, курил и, полузакрыв глаза, наслаждался тишиной. Ни дрожащего стука корабельных машин, ни качки, ни буханья волн. Тишина.

Отблески огня плясали на лицах.

Доктор Слэсар рассказывал, как он попал на острова. Оказывается, всему виной эти серебряные рюмки.

Родился и вырос он в Лондоне. Получив медицинское образование, несколько лет работал в клинике, готовил диссертацию по нейрохирургии. Довести ее до конца не успел: началась война. Четыре года воевал, потом английский армейский госпиталь в Берлине.

В Германии встречался с русскими и заочно полюбил Россию, стал изучать русский язык. Его учителем был немецкий врач, который коллекционировал русские матрешки. Русскими сувенирами увлекся и доктор Слэсар.

Постепенно это перешло в страсть, когда, вернувшись в Англию, он однажды увидел в антикварном магазине старинное русское серебро, сразу же решил его купить, хотя сервиз (небольшое блюдо, кувшин и шесть рюмок) стоил полторы тысячи фунтов стерлингов — цена автомобиля типа нашей «Волги».

Наличными у него оказалось только триста фунтов — все, что скопил за время работы в госпитале. Остальное хозяин магазина согласился получить через год. Чтобы быстрее расплатиться с антикваром, Слэсар завербовался судовым врачом на «Атланту» — экспедиционный корабль Королевского общества по изучению Антарктики. Конечно, он не думал об опасностях. Ему, тогда еще молодому человеку, рейс в Антарктику казался романтической прогулкой, сулившей к тому же немалую выгоду: за одиннадцать месяцев плавания судовому врачу полагалось почти три тысячи фунтов стерлингов.

Южнее Фолклендских островов, уже на обратном пути, старая «Атланта» в жестокий шторм столкнулась с айсбергом. Корабль получил большую пробоину и быстро начал тонуть. Команда сумела спустить шлюпки, но пищу и пресную воду взять не успели. Потерпевшим крушение повезло: на второй день шторм утих. Можно было осмотреться и что-то предпринять. К счастью, среди них нашлись опытные рыбаки. Из шлюпочного стального троса и клочков красного шерстяного шарфа смастерили несколько неплохих «самодуров».

До Восточного Фолкленда (он был ближайшим островом) добирались две недели. Сырую рыбу ели и высасывали из нее сок вместо воды.

В Порт-Стэнли экипаж затонувшей «Атланты» положили в госпиталь. От сильного истощения и всего

пережитого потерпевшие крушение едва держались на ногах. Многие нуждались в серьезном лечении. Доктор Слэсар тоже. Последние три дня он лежал в шлюпке с воспалением легких. Но врача на Фолклендах не было. Весь медицинский персонал госпиталя представляли две санитарки и молоденькая фельдшерница.

Еще не окрепнув, доктор Слэсар был вынужден лечить и себя, и своих товарищей. Увидев это, юная фельдшерница поспешила выступить по местному радио с сообщением, что на Фолклендах, наконец, появился врач. В госпиталь началось паломничество. Всем вдруг понадобилось показаться врачу. Слэсар был зол, но что из того? Врач обязан выполнять свой профессиональный долг.

Потом Слэсара пригласили к губернатору, предложили остаться в Порт-Стэнли. Так он и застрял на Фолклендах. Ездил ненадолго в Лондон, чтобы уладить кое-какие дела, расплатиться с долгами и забрать необходимые вещи.

Наша беседа затянулась. Только в десятом часу доктор Слэсар вдруг вспомнил, что пригласил нас на ужин. Воскликнул по-русски:

— О, соловей басня не кормит! Много говорить, забывать пустой желудок гости, это есть не хорошо. Прошу извинить, теперь будем ужинать.

Вздохмаченный, длиннорукий, он засуетился:

— Мой кухня все готово, немножко надо ставить огонь. Сегодня я делал специально английский ужин.

В половине одиннадцатого мы были на пирсе. Там нас ждал судовой катер.

...Холодная дождливая ночь. Ветер. На душе и хорошо, и почему-то грустно.

Потомки знаменитого корсара

Время нашего пребывания в Порт-Стэнли истекло. Мы уже выбирали якорь, когда к пирсу подкатил «роллсройс» доктора Слэсара. Выйдя из машины, он бегом направился к стоявшей у причала моторке. Вскоре лодка затарахтела и полным ходом ринулась к нам.

На борт корабля мистер Слэсар поднялся, радостно улыбаясь.

— О, я пугался опоздать, — сказал он, переводя дыхание, — Шибко высокий шторм-трап, это есть не для мой сердце. — Похлопывая себя ладонью по груди, он старался скорее отдышаться. — Меня вызывать остров Нью-Айленд. Это есть далеко, надо лететь вертолет. Но нет погода.

Зная, что наш корабль должен идти на восток, предварительно обогнув с северо-запада Фолклендские острова, доктор Слэсар спрашивал капитана, не сможем ли мы по пути забросить его на Нью-Айленд. Ему только на полчаса нужно вернуться в госпиталь, чтобы собраться. На Нью-Айленде тяжело ранен семнадцатилетний юноша, большая потеря крови. Вызывая по радио врача, отец пострадавшего сказал, что кровотечение продолжается. А над морем сейчас везде грозы и штормовой ветер до девяти баллов, погода не для вертолета.

— Пожалуйста, мистер Слэсар, мы к вашим услугам, — сказал капитан. — За вами послать катер?

— О да, если можно. Через половина час я буду на пирсе.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но Залман Аронович его остановил.

— Вам незачем беспокоиться, коллега. Если мы зайдем на этот Нью-Айленд, то разве я не помогу больному? И вы говорите, там есть радио, мы вам сразу сообщим.

Доктор Слэсар в нерешительности замялся.

— Большой спасибо, коллега, но не есть легко сказать, сколько надо время. Дежурный радист не спросит характер ранения, возможно, будет немного задержка.

— Ну так мы задержимся, великое дело! Я надеюсь, вы позволите, капитан?

Капитан ответил, что, если жизнь юноши будет в опасности, мы постоим у Нью-Айленда сколько понадобится. На том и договорились.

Из слов Слэсара выяснилось, что на Нью-Айленде живет всего одна семья. Это частный остров Джека Дэвиса — потомка того Дэвиса, который открыл Фолкленды. Раненый юноша — единственный сын хозяина острова.

Мне очень захотелось увидеть потомков знаменитого корсара. О нем самом мне уже кое-что было известно, а о том, что где-то существуют его потомки, я и не подозревал. Жаль, Слэсар ничего не сказал о них раньше.

Из двухсот Фолклендских островов Нью-Айленд, пожалуй, самый маленький. Судя по данным английской логии, его площадь не превышает сорока квадратных километров. Похожий на бумеранг лоскут земли, над которым беспрепятственно гуляют все океанские ветры.

Еще издали я увидел в бинокль беленький домик на берегу бухты и несколько хозяйственных построек из досок и гофрированного металла. От строений к монолитному бетонному пирсу тянулась узкая дощатая эстакада. У причальной стенки стояла небольшая парусно-паровая шхуна.

Моросил дождь, и остров выглядел уныло. За угрюмыми обрывистыми утесами начинался холмистый бурый ландшафт, такой же голый, как и на Восточном Фолкленде. По распадкам бродили лошади, коровы и овцы. Все прибрежные скалы облепили птицы. Были видны колонии пингвинов, стаи альбатросов, диких гусей и бакланов. На краю одного обрыва среди бесчисленного множества пингвинов стоял, глядя на море, рыжий в белых яблоках бык. На шее у него болталось на цепи толстое бревно — известное средство против излишней бычьей резвости.

Более странное соседство трудно себе представить: пингвины и... домашний бык!

Минут через пятнадцать после того, как мы вошли в бухту, шхуна, отвалив от пирса, направилась к нам. У самого нашего борта она круто развернулась и остановилась. Это было старое китобойное судно, построенное, видимо, в конце прошлого века. Обшитый почерневшими досками яйцевидный корпус, высоко поднятая резная корма и сдвинутые к бортам два коротких бушприта, позволяющие установить на площадке между ними гарпунную пушку. Позади грот-мачты торчала труба.

Когда-то такие шхуны строили норвежцы. По своим мореходным качествам и прочности они долго считались лучшими в мире среди китобойных судов. На них ходили в Антарктику и охотились за китами даже во льдах моря Росса. Теперь в это верилось с трудом. Нелепый вид подошедшей к нам посуды вызвал только удивление.

На открытом ходовом мостике шхуны за штурвалом стоял высокий пожилой человек в грязном берете, очках и засаленном черном комбинезоне, из-под которого выглядывал воротничок белой рубашки, надетой под вылинявший голубой свитер.

— Я Джек Дэвис! — прокричал человек с шхуны. — Мне передали по радио, что у вас на борту врач.

— Это я, подойдите ближе к борту! — крикнул в ответ Залман Аронович. Он стоял у шторм-трапа, готовый спуститься на шхуну. Капитан разрешил мне сопровождать его.

Приняв нас на борт шхуны, мистер Дэвис, направляя судно к берегу, взволнованно говорил:

— Дважды в год к нам приходит рефрижератор из Монтевидео, и как-то была шхуна из Порт-Стэнли. Других судов я здесь не видел, вас послал сам бог. Мы были в отчаянии: этот глупый мальчик перерезал себе вены...

— Вены?! — У Залмана Ароновича округлились глаза. — Что же вы не сказали сразу? Скорее назад! Я должен взять необходимые инструменты. Это совсем другое, я не к тому готовился.

Я поразился докторской прыти. Как только шхуна опять подвернула к борту нашего судна, он взлетел по шторм-трапу в несколько секунд. Это при его-то габаритах: сто шестьдесят пять сантиметров роста и сто десять килограммов веса!

— Редмонд сделал это в постели, — рассказывал мне Дэвис, пока мы ждали доктора. — В его комнате живет пингвин, он поднял шум: пингвины не терпят запаха крови. Жена пошла узнать, в чем дело. В первом часу ночи вдруг шум. Потом она позвала меня. Ред не давал себя бинтовать. Нам помогла Энни, это моя дочь... Мне семьдесят шесть, я не понимаю молодых людей. Они и сами не понимают, что им нужно. Глупый мальчик...

Я хотел спросить, что толкнуло Редмонда на такой шаг, но не решился. Дэвис как-то враз посуровел. Хмуры плоский безбровый лоб, достал из кармана кожаный кисет, медленно свернул самокрутку, закурил. Помолчав, — сказал еще:

— Раньше ему нравилась говядина на углях. Сегодня я сделал, поджарил, как ему нравилось. Он не съел, вторые сутки ничего не ест.

— Это произошло вчера?

— Да, в ночь с воскресенья на понедельник. Вечером он, как всегда, хорошо поужинал. Потом играл с пингином и немного спорил с дедом. У меня еще жив отец, ему сто три года. С Редом они давно не ладят. Дед его очень любит. Не всем молодым нравится, когда их любят. Я тут ничего не понимаю...

Парня мы застали едва живым. Мертвенно-бледный, он лежал на кровати совершенно безучастный ко всему, с неподвижно застывшими глазами.

— Этот мальчик действительно плох, — натягивая халат, сказал Залман Аронович. — Вы видите, каков он? Он бы к вечеру умер.

Дэвисам доктор перевел свои слова иначе:

— Я говорю, что положение не блестящее, но пока ничего страшного. Ему нужна свежая кровь, литра два.

Вместе с Редмондом всех Дэвисов семь человек. Кровь деда и отца не годилась: они оба были слишком стары. Энни кормила двухмесячного ребенка, поэтому ее кандидатура тоже отпала. Оставались сорокалетняя миссис Агнесс, мать Реда, и его двоюродная сестра Марго. Но сначала нужно было узнать, какая группа крови у них и у юноши. Кровь родственников, даже матери и сына, совпадает по группе не всегда.

У Марго оказалась вторая группа, у миссис Агнесс — третья. Труднее было определить группу Реда. Доктор исколол ему все пальцы, так и не выжав из них ни капли. Пришлось класть под микроскоп бинты с уже заскорузлыми кровяными пятнами. Наконец выяснилось.

— Третья, — шумно вздохнул Залман Аронович и выразительно глянул на меня. Ему, корабельному врачу, моя группа крови была, конечно, известна.

— Ладно, — сказал я, пожав плечами.

— И сколько вам не жалко? — Свою одесскую манеру задавать вопросы Залман Аронович сохранял в любой обстановке.

— Да берите пол-литра! — вдруг расхрабрился я. Потом меня осенило: «Пол-литра — это же восьмая часть всей моей крови!» Но убавить щедрость теперь было неудобно.

Доктор перевел мой ответ Дэвисам, добавив:

— Мистер Иванченко желает сделать из вашего сына запорожского казака.

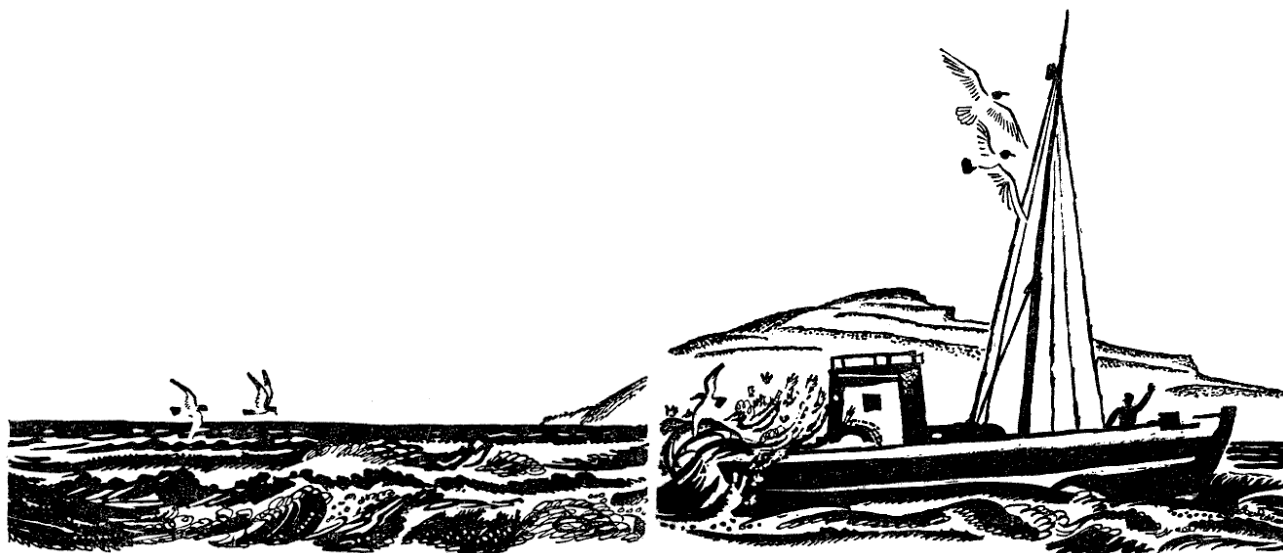
И, готовя прибор для переливания крови, принялся рассказывать, кто такие были запорожцы. Слушая, как он их восхваляет, представив меня будто бы выходцем из Запорожья, я краснел и с тягучей тоской ждал боли. Ничего на свете так не боюсь, как боли.

Когда прибор был готов, Залман Аронович сказал мне с усмешкой:

— Дух запорожца вы уже проявили, это было оценено по достоинству, а теперь прошу закатать правый рукав. Возьмем двести пятьдесят граммов, по донорской норме. Вполне достаточно. На борту мы имеем еще людей...

До того часа я не знал, что процедура выкачивания крови даже приятна.

Сначала чуть-чуть возбуждаешься, потом по всему телу разливается умиротворяющая нега, как от легкого опьянения. И только после перед глазами жиденький дымок да немножко липко во рту.

У Нью-Айленда наш корабль стоял неделю. Я был свободен от судовых работ и жил в доме Дэвисов. Теперь они считали меня своим родственником, кровным братом Редмонда.

...Древний Джон сидел в кресле-качалке. Он пододвинулся ближе к камину, кутался в грубошерстный домотканый плед, но ему было холодно. На сто третьем году жизни человеку нелегко согреться. Старик часто сморкался, заученным жестом нахлобучивал лохматую меховую шапку. У его ног, одетых в толстые шерстяные носки, на свалывшейся грязно-бурой овчине лежал рыжий огнеземельский кот, огромный и жирный. Время от времени старик осторожно ставил на него мерзнувшие ступни. Сонно мурлыкая, кот покорно грел их своим телом.

Из выцветших глаз старика скатывались слезы. Они текли по рытвинам его морщин, как стекает роса по коре старого дерева. То были слезы не горя и не радости. Слезы зябнувшего старика. Кожу на лице Джона нельзя даже было назвать дряблой. Морщины высохли, словно потрескались. Они были почти коричневыми. Джона родила смуглая патагонка.

Старик курил закопченную глиняную трубку.

— Если Дэвисов не вешали, они всегда жили долго. Самоубийц у нас не бывало, — сказал он гордо. Его прищуренные, до странности белые глаза осуждающе смотрели на внука. — Ты слышишь, Ред, самоубийц у нас не бывало.

— Сто раз слышал, — огрызнулся Ред.

Перепадка между внуком и дедом началась со вчерашнего дня. Старик насупился, но, помолчав, сказал примирительно:

— Ты прав, Реди, я, кажется, повторяюсь. Говорить или слышать одно слово дважды Дэвисы никогда не любили.

Обложенный подушками, Ред полулежал в своей кровати. После операции шли уже четвертые сутки. Юноша был еще слаб, но на его щеках начинали проступать розовые жилки. По рекомендации врача миссис Агнесс отпаивала сына парным овечьим молоком. Через каждые два часа она появлялась в комнате с белой эмалированной кружкой. Пышущая здоровьем и привлекательная, она жизнерадостно улыбалась:

— Как дела, Реди? Вот твоё молоко.

Усталые голубые глаза мальчика смотрели равнодушно.

— Спасибо, мама, — сухо говорил он. В присутствии деда Ред выдерживал характер.

Мрачного настроения сына мать, казалось, не замечала

— Ты знаешь, Реди, возле нашего овчарника расцвели два чудесных мака. Я боюсь их сорвать, как бы раньше времени не опали лепестки. Или ты хочешь, чтобы я принесла эти маки?

— Нет, мама.

— Я тоже так подумала, пусть растут. Удивительно, не правда ли? Вдруг расцвели маки! До весны еще так далеко.

Пока, обхватив ладонями кружку, Ред медленно пил молоко, миссис Агнесс стояла у его кровати, рассказывая о каких-нибудь новостях. Голос у нее был певучий и ласковый, но без намека на сентиментальность.

На вид ей можно было дать лет тридцать пять. Невысокого роста, полногрудая, но с отличной фигурой, которую подчеркивал строгий мужской наряд: клетчатая рубашка, широкий кожаный ремень, галифе и высокие хромовые сапоги. Коротко подстриженные курчавые русые волосы. По-детски припухлые губы чуть приоткрыты в сверкающей белозубой улыбке. Спрятанные за очками умные серые глаза смотрели спокойно, но улыбка придавала ее лицу веселое оживление.

— Да, Реди, я забыла тебе сказать. По-моему, твоя Матильда сегодня будет с жеребенком.

Ред молча кивнул головой.

— Ты не рад?

— Нет, мама, я рад. — Видимо, новость его действительно обрадовала. Опустив на колени кружку с недопитым молоком, Ред против воли улыбнулся: — Родит третью кобылицу.

Нет, Реди, я думаю, Матильда теперь обзаведется сыном.

— Ты и прошлый раз так говорила.

— Ну нет, Реди, будь справедлив. Я предполагала, но не утверждала. Это разные вещи.

— Сейчас ты утверждаешь?

— Три кобылицы подряд — многовато.

— Это не ответ, мама.

— Хорошо, Реди, скоро выясним. Давай свою кружку, мне пора готовить обед. Папа, тебе ничего не нужно?

— Нет, Агнесс.

— Может быть, вам? — она обратилась ко мне.

— Спасибо, миссис Агнесс.

Снова надолго мы остались втроем. Старик, умолкший при невестке, продолжал прерванную мысль. Его скрипучий голос звучал глухо и как бы с надрывом.

— Ты помнишь, Ред, я рассказывал тебе, как мне пришлось убить своего босмана? Со мной тогда были твой отец и дядя Ричард. Ричарду еще не исполнилось восемнадцать, он был такой, как ты, Реди. Мы охотились у Земли Грейама. Кашалот разбил нам корму. Вильсон поднял панику, он боялся, что мы утонем. Ты помнишь, Ред, почему я убил Вильсона?

Юноша опять помрачнел.

— Хватит, надоело!

— Нет, Реди, ты должен послушать. Вильсон был неплохим парнем, и мне его жаль. Он не умел держать себя в руках. Поддавшись панике, мы бы погибли все, все Дэвисы. Я убил Вильсона, и бог мне судья. Пусть он покарает меня, если ему будет угодно. Я взял на себя тяжкий грех, Реди, я должен был спасти род Дэвисов. Твой отец и дядя Ричард были последними в нашем роду, я не мог их потерять. Ты, Реди, глупый мальчик, если не понимаешь, что я взял на себя грех ради тебя.

— На твоей душе грехов, как на овце блох.

— Нет, Реди, у меня один тяжкий грех. Ты помнишь, я говорил тебе, как Вильсон спас мне жизнь? Когда те трое увидели мои котиковые шкуры, я понял, что ночью они убьют меня. Вильсон сумел с ними справиться, и я дал ему слово взять его к себе босманом. Мы оба были довольны. Ты, Реди, не понимаешь таких вещей. Мой тяжкий грех только смерть Вильсона. Если бы тебя не стало, она была бы напрасной. Теперь только ты можешь продолжить род Дэвисов.

Слушая деда, Ред нервно покусывал губы. От слов старика его всего передергивало.

— Ты слышишь, Алек, — обратился он ко мне, — он хочет сказать, будто действительно убил этого Вильсона из-за меня. Когда я родился, Вильсона не было на свете уже двадцать лет.

— Наверно, дед вообще имел в виду внуков. Ты зря, Реди, на него сердисься, он волнуется за твою жизнь.

— От его волнений тошно становится. Забрался на этот проклятый остров, и теперь мы все сидим тут, как в тюрьме. На что мне такая жизнь?

Под столом проснулся золотоволосый пингвин. Вскочив, он ошалело глянул по сторонам, минуту постоял и затем важно поковылял к старику. Уткнувшись клювом в его колено, птица ждала ласки. Оттолкнув ее, старик хмуро проворчал:

— Пойди, Мак, скажи этому мальчику, зачем человеку дана жизнь.

Пингвин сердито зашипел, но, получив шлепок по лбу и легкий пинок в зад, вынужден был направиться к Реду. Остановившись у его кровати, он сложил на белой груди свои маленькие черные крылышки и рассеянно уставился в потолок. Весь его вид словно бы говорил: «Извини, Ред, но подойти к тебе меня заставили». Когда Ред бывал не в духе, общения с ним Мак благоразумно избегал. На сей раз пингвину, однако, ничего не грозило.

— Смотри, дед, даже Мак на тебя обижается, — неожиданно засмеялся Ред. Потом, обращаясь ко мне: — Тебе нравится наш Мак?

— Он славный малый.

— Ему всего два года. Маленьким он подрался с птенцом баклана. Тот его здорово стукнул. Если бы не я, Мак отдал бы концы. Я его вылечил. Он признает только меня и деда.

Забравшись с ногами в обитое бычьей шкурой кресло, я листал «Иллюстрированные лондонские новости». После тесной корабельной каюты маленькая комната Реда казалась очень просторной. Сложенный из нетесаного серого базальта камин, широкая деревянная кровать, стол, застеленный голубым бархатом. На окнах тяжелые бледно-зеленые гардины. В правом углу массивная этажерка. Старые издания Шекспира, Байрона, Диккенса и Фенимора Купера. Два тома Мопассана: «Жизнь» и «Милый друг». Нижнюю полку и две верхних занимали потрепанные комплекты «Иллюстрированных лондонских новостей». Над кроватью Реда вырезками из этого журнала была заклеена вся стена — женщины.

— Да, Реди, я знаю, мой мальчик, что тебе нужно, — устремив взгляд на стену, сказал старик. Трубка его давно погасла, но он все еще держал ее в зубах, для его лет на удивление крепких и совершенно белых. — В мои годы об этом уже не думают. Я забыл, Реди, что жизни без жизни не бывает.

Вздыхнув, он плотнее закутался в плед, глубже нахлобучил шапку. Горбясь и грея о тело ленивого кота свои мерзнувшие ступни, долго молча смотрел в пылающий камин. Я почти физически чувствовал, как в его мозгу грузно ворочалась тяжелая мысль. Глядя на него, мы с Редом тоже молчали. Наконец он снова заговорил:

— Я тебе еще не надоел, Алек?

— Нет, мистер Дэвис, мне будет жаль с вами расставаться.

— Спасибо, Алек. Ты можешь называть меня дедом, это право ты заслужил. Если ты желаешь, я расскажу тебе про нашу семью.

Отец, дед и два прадеда Джона были пиратами, пойдя по стопам Джереми Дэвиса. Своим потомкам Джереми оставил в наследство глиняную индейскую трубку и две тетради дневников Терезы де Бурже, в которых она описывала отчаянную удачу корсаров. Тетради и трубка передавались из поколения в поколение, подогревая в жилах Дэвисов и без того горячую кровь прародителей.

В 1884 году, когда Джону исполнилось двадцать лет, семейные реликвии перешли к нему. Он получил их от отца вместе с новой бригантиной, построенной по специальному заказу на одной из лучших судоверфей Гавра. Чарлз, отец Джона, имел во Франции своих людей. Через них он сбывал добытые на морских дорогах ценности, и они же передали судоверфи его заказ на бригантину.

То был корабль-красавец. Длинный точеный бушприт, две наклоненные к корме мачты и стремительный стреловидный корпус, обитый тонкой кововой медью. При хорошем ветре «Флайинг стар» («Летящая звезда») давала двадцать миль в час.

О новом корабле для своих сыновей заботились все Дэвисы. Это было их правилом. Корабль же отца навсегда оставался его собственностью. Когда стареющий владелец судна, предчувствуя близкий конец, сходил на берег, из досок его бригантины ему строили дом, а потом и сколачивали гроб. Так велел сделать Джереми, и так делали его потомки. И так же, как он, они приходили умирать на Фолкленды. Первым традицию рода нарушил Чарлз, отец Джона. Фолклендские острова к тому времени начали заселять английские колонисты. Закон и власть помешали Чарлзу найти покой у родных могил. Он умер на необитаемом тихоокеанском атолле.

Чарлз был последним из Дэвисов, родившихся и умерших корсарами.

Повторить жизнь отца и деда Джону не пришлось. Его великолепная «Флайинг стар» не пенила морей и трех лет. Позже ему казалось, что он дал своему кораблю роковое имя. Летящая звезда долго не светит.

В апреле 1887 года после двухмесячного крейсирования в Атлантике «Флайинг стар» прошла проливом Дрейка, направляясь к островам Туамоту. Там, на атолле Тихахау, у Джона была одна из его береговых баз.

В пути им встретилось североамериканское торговое судно, шедшее в таитянский порт Папазте. Хотя из Атлантики бригантина возвращалась с приличным «уловом», корсары считали, что упускать богатого янки не стоит.

Среди прочей добычи оказались бочки с ромом. Джон приказал запереть их на замок в продовольственном трюме. По опыту он знал, что иначе его люди могут напиться до беспамятства.

В те дни ему нездоровилось, ныла свежая пулевая рана в левом плече, которое было прострелено дважды.

Когда ограбленное американское судно осталось за кормой, Джон, передав управление бригантиной своему старшему помощнику, удалился к себе в каюту. Плохое самочувствие у него всегда вызывало желание побыть в одиночестве. Он мог сутками не выходить из каюты и никого не принимать, даже стюарда. Ел бекон с сухарями, запивая лимонным или апельсиновым соком.

«Флайинг стар» шла своим курсом. Так думал Джон. Его не беспокоили, и он был уверен, что на корабле все в порядке. Только на следующий день вечером, когда бригантину начало сильно качать, он свистнул в переговорную трубу к рулевому. Ему не ответили.

В недоумении капитан поднялся на мостик. Паруса бригантины надувал штормовой ветер. Однако на корабле не было видно ни одной живой души. Бригантина шла неизвестно куда. В спицы рулевого колеса, чтобы оно не болталось, кто-то воткнул обломок реи.

Ошеломленный, Джон бросился в кают-компанию. Он уже догадался, что произошло.

Вся команда «Флайинг стар» была мертвецки пьяна. Кроме капитана единственным трезвым человеком на бригантине был Том Морган — двенадцатилетний мальчишка, которого пьяные корсары заставили себе прислуживать.

Попытки Джона хоть кого-нибудь привести в чувство не имели успеха. Большинство людей в бессознательном состоянии лежали на палубе, другие одурело смотрели на капитана, ничего не понимая. На все свои угрозы Джон слышал только пьяный бред и ленивую ругань.

Раздавленный собственным бессилием, капитан вернулся на мостик. С ним поднялся наверх и маленький Том. Стараясь взять себя в руки, Джон сказал мальчику:

— Ну что, Томми, тебе нравится эта свистопляска?

— Вы говорите о море, сэр?

Шторм крепчал. В ревушем мраке бригантина то взлетала на головокружительную высоту, то, задрвав корму, отвесно падала в пропасть. Казалось, еще один такой прыжок, и все будет кончено.

Джон не мог себе простить, что, зная своих людей, так легкомысленно поверил в их благоразумие. Управлять бригантиной с полным парусным вооружением теперь было невозможно. Убрать паруса два человека не смогли бы даже в тихую погоду, а в такой шторм нужен был десяток умелых рук, чтобы взять рифы.

— Да, Томми, я говорю о море. Как ты думаешь, мачты выдержат?

— Да, сэр, они крепкие.

— Это плохо, Томми, нас может опрокинуть. Тебе нужно надеть спасательный пояс.

— Разве мы не в открытом океане, сэр?

— Это ничего не меняет.

— Да, сэр. И здесь, мне кажется, много акул. Мы давно идем в теплых водах.

— Брось, Томми, делай, что тебе говорят.

— Хорошо, сэр, я принесу и ваш пояс.

— Сначала надень сам.

— Слушаю, сэр.

«Рыжий чертенюк», — ласково подумал Джон. Он редко о ком так думал. В его корсарском сердце находилось место только для этого мальчишки.

На «Флайинг стар» Том был общим любимцем. Послушный и неизменно спокойный, он нравился всем. В этом маленьком создании жили скромность и доброта, которых так не хватало окружающим его людям.

Вернувшись на мостик, Том протянул Джону пробковый пояс.

— Возьмите, сэр, это ваш.

— Спасибо, Томми, повесь его на штурвал.

Они стояли рядом, держась за поручни, — длинный бородатый капитан и маленький худой юнга. Капитан чувствовал потребность сказать мальчику что-нибудь хорошее.

— Ты помнишь, Томми, я когда-то убил альбатроса? — не найдя ничего лучшего, спросил Джон.

— Да, сэр, это было на «Жгучей индианке». Вы сняли с его лап кожу и сделали себе ремень для пистолета.

— Говорят, убивать альбатроса не следует. Рано или поздно дух птицы отомстит моряку.

— Да, сэр, я помню, вам это говорил боцман Мортон. Вы над ним смеялись.

— Тебе не кажется, что я был глуп?

— Нет, сэр, вы поступили так, как считали нужным. Ваш отец не любил, чтобы его желание оставалось невыполненным.

— Ты прав, Томми...

Джон хотел сказать, что теперь он сожалеет о том поступке, но не сказал. Разговаривая с мальчиком, он пытался представить, где они сейчас находятся. Уже много часов стихия гнала бригантину на северо-запад, а им нужно было идти прямо на запад.

— Ты не заметил, Томми, какой ветер был в полдень?

— Я не мог этого заметить, сэр. Меня с утра не выпускали из кают-компания.

Джон успокаивал себя мыслью, что впереди открытый океан. Если бригантина до сих пор не опрокинулась, она, пожалуй, выдержит натиск урагана до конца.

Он еще успел поделиться этой мыслью с мальчиком.

Внезапно бешеный бег бригантины приостановился. Вдруг, резко дернувшись назад, парусник со страшным скрежетом круто полез вверх. Встав на дыбы, корабль пошатнулся и, ломая обшивку корпуса, рухнул на правый борт.

Капитан и мальчик повисли на поручнях мостика. В первое мгновение Джон подумал, что они наскочили на коралловый риф. С трудом добравшись до штурвала, он торопливо нащупал спасательный пояс, но так его и не надел. В густом сумраке ночи глаза различили вдали от корабля черный силуэт гор.

Бригантину выбросило на берег.

За сто три года, прожитые на свете, Джон многое уже забыл. Из памяти выпали целые десятилетия. Но не те двадцать семь дней. Те дни забыть было невозможно.

Берег, на который их выбросило, Джон принял за остров Флинт. Год назад он проходил на своей бригантине мимо него и запомнил очертания горных вершин. Когда рассвело, ему показалось, что это те же вершины. Ничего дурного о населении Флинта он не слышал, поэтому и не подозревал здесь никакой опасности. Говорили, что на этом острове живет небольшое племя мирных полинезийских рыбаков.

Как только корсары пришли в себя, они без всякой предосторожности занялись устройством временного лагеря. Корабль здорово пострадал от катастрофы, но Джон надеялся, что им удастся заделать пробоины и снова стащить бригантину на воду.

Несколько человек сразу же отправились в глубь острова на поиски необходимого леса. Еще четверым Джон приказал пройти вдоль берега, чтобы выяснить, где находится поселение туземцев. Вблизи того места, куда выбросило «Флайинг стар», в море впадала какая-то речушка, росли кокосовые пальмы и много апельсиновых деревьев, но не было видно никакого жилья.

Возле корабля осталось тридцать человек. Все работали на берегу, расчищали площадки для палаток. Неожиданно с трех сторон на них посыпались камни.

У корсаров не было времени опомниться. Когда Джон, бросив лопату, рванул из-за пояса пистолет, двое из нападавших уже повисли на его плечах. Они выскочили словно из-под земли. С неистовым воем, визгом и воплями. Их было не меньше сотни. Потом, неся на бамбуковых шестах огромные деревянные клетки, из леса вышло еще столько же.

Кажется, впервые за двадцать три года жизни Джона охватил ужас. Только сейчас, увидев клетки, он понял, как жестоко ошибся. Это был не мирный Флинт. Они попали на маркизский остров Фату-Хива, к каннибалам. Клетки, в которые фатухивцы сажали своих пленников, знала вся Океания.

Их долго куда-то несли. Едва приметная тропа, извиваясь по зарослям тропического леса, взбиралась все выше и выше в гору. Потом она так же долго змеилась по склону. Наконец оборвалась. Путь преградила пропасть. Узкое каменистое ущелье будто рассекало гору на две части.

Остановившись, маркизанцы столпились вокруг клетки Джона. Смеясь и жестикулируя, они шумно что-то обсуждали. Очевидно, их удивляла внешность Джона. У него была почти такая же, как у них, смуглая кожа и такие же жесткие черные волосы. Но глаза голубые, а борода — красная. Он красил ее каким-то индейским зельем, которое досталось ему от отца.

Жители атолла Тикахау, где Джону часто приходилось бывать на своей базе, немного научили его полинезийскому языку. Маркизанцы говорили на том же тягучем, будто одно бесконечное слово, диалекте. Но Джон ничего не понимал, он был слишком потрясен.

— Гадье, мразь, грязная сволочь! — с затравленной яростью плевался он. Горло его давила липкая тошнота. Эти мерзавцы сожрут его, обглодают его кости, как собаки.

Вдруг позади, где-то в длинном ряду стоявших на тропе клеток раздался голос маленького Тома:

— Сэр, капитан!

У Джона екнуло сердце.

— Да, мой мальчик! Что с тобой, Томми?

— Ничего, сэр, — спокойно и, как показалось Джону, даже весело ответил мальчик. — Я в клетке. Они нас съедят?

Джон проглотил комок.

— Откуда ты взял, Томми? Что за вздор лезет тебе в голову?

Мальчик чувствовал, что капитан сказал ему неправду. Томми отлично все чувствовал.

— Капитан, — сказал он. — Хотите, я вам спою?

В клетках растроганно зашумели.

— Томми, рыжий ангелочек, ты не боишься?

— Разве со мной нет моих друзей корсаров? — В голосе мальчика прозвучала обыкновенная для него ирония.

— Да, Томми, мы с тобой. Но, Томми, ты ведь никогда не пел.

— Это ничего не значит, я буду петь сейчас. Хотите, капитан?

— Да, Томми. Если у тебя есть голос.

Благодарный отважному мальчику, Джон старался подавить неожиданно нахлынувшее волнение. Его распирала незнакомая, остро режущая нежность.

Мальчик запел:

Смелей держи, рулевой,
Заплатишь ты головой
За верный курс корабля,
За даль, где лежит земля!
За красную в жилах кровь,
За счастье, жизнь и любовь
Заплатишь ты головой.

Смелей! — это жребий твой...

Джон не знал слез. Но тогда он, наверное, все же заплакал. Слушая мальчика, плакали все корсары. Он был их добрым гением, этот маленький Том.

Притихли и маркизанцы. В их черных глазищах застыло изумление. Должно быть, такого пленника они еще не видели.

А мальчик пел, и все ему, казалось, было трын-трава:

Жизнь морская — красивая сказка
Для бездомных и смелых бродяг.
Всех нас ждет роковая развязка, —
Ну так что же, хотя бы и так!
Ха-ха! Ха-ха!

В это время с той стороны ущелья над пропастью повис бревенчатый мост. Он выполз откуда-то из кустов. Толстые двойные лианы осторожно опустили его на край тропы.

Маркизанцы еще минуту стояли как замороженные. Потом они бросились к клеткам, подхватили их и трусцой побежали вперед.

Когда Джона перенесли через мост, за кустами он увидел обширное безлесое плато, на котором возвышались серые каменные стены — крепость. Даже в своем незавидном положении Джон невольно удивился. Эти каннибалы умели, оказывается, строить не только раздвижные мосты, но и настоящие крепости. Наблюдательные вышки, множество квадратных бойниц для камнеметательных орудий, зубчатые ворота из плотно сбитых стволов железного дерева.

На девяти островах Маркизского архипелага жил один из самых могучих и наиболее развитых народов Полинезии. Никто в этой части света не сопротивлялся так нашествию европейцев, как маркизанцы. Их не сумели покорить Испания и Соединенные Штаты Америки. Французы захватили восемь островов лишь после того, когда эти острова уже некому было защищать.

Вместе с длительными войнами европейцы несли сюда свои пороки: алкоголь, разврат, болезни. Никогда не знавшие чужеземной хвори и не имевшие к ней иммунитета, островитяне умирали тысячами. Их врачи умели врачевать любые раны и делать сложнейшие хирургические операции, но они были беспомощны перед вирусом гриппа.

Грипп, сифилис, холера и оспа уничтожали население одного острова за другим. Стотысячный народ погиб почти полностью. Французам оставалось только объявлять опустевшие острова своей собственностью.

Дольше всех держалось племя, жившее на острове Фату-Хива. Восемьдесят лет назад фатухивцы еще сохраняли независимость и полную изоляцию от внешнего мира. С самого начала против европейцев они были настроены враждебно и никаких других отношений с ними предпочитали не иметь. Покинув легко доступные прибрежные районы, они переселились в высокогорные каменные крепости, где защитой им служила сама природа. Эти крепости, созданные по всем правилам оборонительного искусства, на Фату-Хиве стоят до сих пор. Завладеть ими французы не могли очень долго. Они пытались было укрепиться на побережье, но всякий раз, когда их гарнизон высаживался на остров, среди солдат скоро поднималась паника.

Неуловимые фатухивцы, казалось, сидели за каждым кустом. Стоило солдату зазеваться, и он тотчас попадал в руки островитян. На второй-третий день после высадки европейцев на остров в расположении их лагеря откуда-то появлялось длинное деревянное блюдо, на котором лежал один из накануне исчезнувших. Зажаренный, с пучком петрушки во рту. На других Маркизских островах французы такого не видели. С людоедством они встретились только здесь, на Фату-Хиве.

Это было удивительное племя. Светлокожие, как мало кто в Полинезии, статные, с правильными чертами лица, фатухивцы походили внешне на арабов. Быть может, они были единственными в Океании, кто признавал женщину равноправным членом общества. Вернее сказать, у них существовал логически обоснованный культ женщины. Она дарует жизнь и потому является посланцем богов на земле — ей нужно поклоняться. В ней все самое прекрасное — поэтому ее нужно ценить. Она слабее мужчины, но, если воин идет на войну, дома его заменяет жена — поэтому к ней нужно относиться с почтением. Если муж недостаточно ласково или без должного уважения обращался с женой, он заслуживал всеобщего осуждения. А если жена изменяла мужу, то в этом был виноват он сам, ибо верность женщины нужно заслужить. Для женщин было только два табу: им не позволялось есть мясо и плавать на лодке.

Фатухивцы были отважные воины и великолепные мореходы, чьи катамараны совершали набеги на дальние острова Полинезии. Умели строить грандиозные сооружения из камня, высекать в скалах величественные скульптуры. Занимались земледелием, рыболовством, любили песни, пляски и в общем были незлобивы. Но все это не мешало им оставаться каннибалами.

Фату-Хива навредила ужас, ее обходили десятой дорогой.

Надо было такому случиться, чтобы бригадину Дэвиса в ту памятную ночь 1887 года выбросило именно на этот остров.

В душе Джона густело отчаяние. Он думал о побеге, но дороги назад отсюда не было.

Триста лет реял над океанами роджер рода Дэвсов, триста лет хранила его удача. Двух Дэвисов повесили, трое погибли в бою. Но то были не те, кому отцы завещали свой флаг. Дэвисы, плававшие под роджером Джереми, поражений не знали. И вот такой конец.

Уже в воротах крепости Джон снова вспомнил убитого им альбатроса. На миг ему показалось, что черная птица витает над ним. Его взвинченные нервы медленно расслаблялись.

Если бы в тот момент ему кто-нибудь сказал, что его звезда не так уж трагична и для него в общем все закончится благополучно, он бы, конечно, не поверил. Как всякий обреченный, он еще на что-то надеялся, но разум надежду отвергал.

Крепостная стена окружала утопающий в зелени поселок — несколько десятков бамбуковых хижин с высокими стрельчатыми крышами и увитыми цветами верандами. Они стояли на плоских каменных фундаментах, словно на широких продолговатых столах. Перед каждой хижинкой в выступающей части фундамента, которая служила двором, была выдолблена овальная чаша — бассейн для купания.

Пленников несли к центру поселка, на большую, обсаженную цветущими кустарниками площадь, запруженную в этот час народом. Пропуская воинов с клетками, толпа поспешно расступалась.

В конце площади на застеленном голубыми циновками дощатом помосте, поджав под себя ноги, сидел плечистый седой маркизанец, все тело которого — даже губы, веки и мочки ушей — было в татуировке. В руках он держал украшенную резьбой и жемчугом бамбуковую палочку — символ власти вождя. По бокам старого маркизанца и за его спиной стояли три мальчика с опахалами из пальмовых листьев.

В торжественной тишине подойдя к помосту, длинная процессия с клетками остановилась. Один из воинов, очевидно старший, размахивая руками, начал возбужденно что-то рассказывать вождю. Вероятно, о том, как ловко они захватили столько пленников. Вождь слушал, одобрительно покачивая головой. Лицо его было внимательным и строгим. Потом он вдруг встрепенулся. Джон услышал, как он нетерпеливо воскликнул:

— Хамаи! Несите сюда!

Вся толпа сразу взволновалась, все стали кричать:

— Эна оиа! Эна оиа! Вот он! Вот он!

Джон замер в тревоге. Он понял, что речь идет о маленьком Томе.

Измученный бессонной ночью и всем пережитым за эти сутки, мальчик все еще держался с вызывающим бесстрашием. Когда его клетку поднесли к вождю, он презрительно сказал:

— Каоха, таипи! Здравствуй, людоед! — На «Флайинг стар» эти два полинезийских слова знали все.

От неожиданности вождь сначала оторопел. Потом он хмыкнул, улыбнулся и наконец разразился громким хохотом.

— Оиа тане, оиа тане, — надрываясь от хохота, повторял он. Не зная, что это значит, Том растерялся. Увидев рядом с собой клетку капитана, вдруг всхлипнул.

— Сэр, что ему нужно?

— Он говорит, Томми, что ты настоящий мужчина. Держись, мой мальчик.

В глазах юнги блеснула беспомощная ненависть.

— Проклятые таипи!

Позже, вспоминая те минуты, Джон подшучивал над Томом. Юный корсар упустил прекрасную возможность стать принцем каннибалов.

Мальчик так понравился старому вождю, что он решил усыновить его. Объявив об этом на всю площадь, он приказал выпустить Тома из клетки и предоставить ему полную свободу.

— Вы слышали, — говорил он, обращаясь к толпе, — он умеет говорить. Мои воины слышали его песни, он настоящий мужчина. Я буду его отцом, пусть это знают все.

Но тут выяснилось, что языка маркизанцев Том не понимает. Все сказанное вождем мальчику переводил Джон.

Вождь озадаченно нахмурился. То, что «говорить умел» Джон, его почему-то не удивляло.

— Хорошо, — после недолгого колебания сказал он. — Я возьму и тебя, краснобородый, ты будешь помогать мне говорить с сыном.

Но выпускать Джона из клетки он не собирался.

На Фату-Хиве Джон пробыл двадцать семь дней. Об освобождении из плена нечего было и мечтать. Даже Том, который ходил по селению маркизанцев где ему хотелось, выйти за ворота крепости не мог. Да и не было смысла. Все равно сам бы он с острова не ушел и его бы обязательно поймали.

К тому времени из команды «Флайинг стар», кроме Джона и мальчика, в живых никого не осталось. Джона, видимо, ждала такая же участь. Оказалось, что вождю он был нужен вовсе не в качестве переводчика. В разговоре с Томом старый маркизанец прекрасно обходился языком жестов. Джон понадобился ему для того, чтобы периодически получать от него красный волос. У безбородых маркизанцев волос из мужской бороды считался большой ценностью. Чем необычнее его цвет, тем выше цена. Фатухивцы делали из него браслеты.

Вождь не знал, что борода у Джона крашеная. Когда пленника побрили отточенным, как бритва, осколком камня и на его лице через день стала появляться черная щетина, глава острова был разочарован.

— Длинная свинья, — сказал он презрительно. Так маркизанцы называли пленников, предназначенных для каннибальских пиршеств.

Джону улыбнулось счастье: он понравился Апоро — пылкой молодой жене вождя. Она устроила ему побег и вместе с ним бежала с Фату-Хивы сама. С собой они взяли и Тома.

В побеге им помогли два воина, подкупленные Апоро. Они тайно снарядили им катамаран, способный выдержать плавание в открытом океане. На нем им удалось добраться до атолла Тикахау.

С профессией пирата Джон решил покончить. Он был последним Дэвисом и, попав в плен к каннибалам, с ужасом думал не столько о собственной смерти, как о гибели трехсотлетнего рода Дэвисов. Сохранить свой род — это было у них превыше всего, у всех Дэвисов. Скитальцы морей, они никогда не позволяли своим сыновьям

пускаться в корсарские авантюры, пока у сына не родился сын. Джон нарушил завет отца и мог дорого поплатиться.

Женившись на маркизанке (кстати, женщины на Маркизских островах каннибалами не были, были только мужчины, для которых это носило, как и у многих других народов, видимо, ритуальный характер), капитан погибшего пиратского корабля поселился на Огненной Земле, стал зверобоем. Потом он купил китобоец и начал промышленять китов. На Огненной Земле Апоро родила ему двух сыновей, уже знакомого нам Джона и Ричарда. Том жил с ними до двадцати лет, затем уехал в Австралию.

В 1938 году Огненную Землю Дэвисы поменяли на Сан-Франциско. Занимались там рыболовством. Вторая мировая война отняла у Джона младшего сына. Ричард служил на подводной лодке, которую захватили японцы. Будучи в плену, он попал под атомную бомбардировку Хиросимы. Остался живым, но, вернувшись домой, умер от лучевой болезни.

Хиросима и смерть Ричарда настолько потрясли старого Джона, что он пустился скитаться по свету в поисках места, которое на случай новой войны можно было бы считать безопасным. Слово «война» для него стало синонимом всего, что он слышал о Хиросиме. Оно таило в себе жуткий смысл той катастрофы, которая, разразившись за океаном, убила его Ричарда в родном доме. Это было страшнее и каннибальского плена, и всех былых корсарских сражений. Чудовищный смерч, одно видение которого несло в себе неотвратимую смерть.

Старик боялся за судьбу своей семьи. Джону-младшему тогда исполнилось уже пятьдесят шесть лет, но он только женился, и его молодая жена ждала ребенка.

Как раз в то время Аргентина впервые заявила свои претензии на Фолклендские острова. В газетной шумихе всплыло давно забытое имя Джереми Дэвиса. Слух об этом дошел до Джона-старшего. Запоздалой реабилитацией своего предка он решил воспользоваться. Предъявив правительству Великобритании две тетради дневников Терезы де Бурже, старик доказал, что является прямым потомком знаменитого корсара, и вместе с тем еще раз подтвердил, что Фолкленды действительно были открыты англичанином.

Английскому правительству было выгодно поселить Дэвиса на Фолклендах, и оно предоставило ему в вечное пользование необитаемый в ту пору Нью-Айленд. У Джека и Агнесс здесь родились Энни и Редмонд. И вот теперь, когда долгожданные внуки Джона выросли, семью Дэвисов постигло новое несчастье.

От матери Редмонд и Энни слышали рассказы о Большой земле, о том неизвестном юным Дэвисам мире, где живут тысячи и миллионы таких же, как они, ребят. Мать научила их грамоте, и они читали и перечитывали те немногие книги, которые Агнесс привезла с собой на остров. Жизнь на Нью-Айленде стала для них невыносимой. Они требовали от отца и деда покинуть осточертевший им остров и ехать куда угодно, лишь бы там были люди. Но их выслушивали со снисходительной усмешкой.

Дважды в год к Дэвисам приходил рефрижератор из Монтевидео, забирал шерсть и мясо, оставлял заказанные товары и почту — комплект журнала «Иллюстрированные лондонские новости». Редмонд и Энни задумали бежать на этом рефрижераторе в Уругвай. Но у них ничего не вышло. Подвела Энни, влюбившись в матроса, который стал отцом ее ребенка. Разгневанные родители прогнали с острова всю команду рефрижератора.

Энни родила дочь, и у нее теперь хватало забот, а Редмонд не желал оставаться на острове. Уехать ему не позволили. Тогда он перерезал себе вены.

Редмонд Дэвис — единственный продолжатель рода. Когда Джон-старший поселился на Нью-Айленде, он думал о внуках, о будущем поколении Дэвисов. Именно стремление сохранить род Дэвисов дало ему силы дьявольским трудом освоить суровый субантарктический остров. Теперь потерять Редмонда для него значило потерять все, во имя чего он жил.

Отчаянный поступок внука заставил старика заново переосмыслить все, что до сих пор казалось ему бесспорным. Помню, на прощание он мне сказал:

— Я был глуп, Алек, спрятав свою семью от мира, чтобы не поддаться всеобщему безумию. Люди должны жить среди людей, жизни без жизни не бывает. Да, Алек, я это понял. — Он протянул мне глиняную индейскую трубку — трубку Джереми. — Возьми, Алек, на память. Когда тебя спросят о Дэвисах, скажи, что у них все в порядке.

По рытвинам его морщин стекали слезы, — быть может, от старости, а быть может, это были слезы человека, осознавшего, что настоящие ценности он всю свою долгую жизнь искал не там, где нужно.

...Прощайте, Фолкленды! Никогда я вас больше не увижу и никогда не забуду.

Эге-эй, ха-ха!

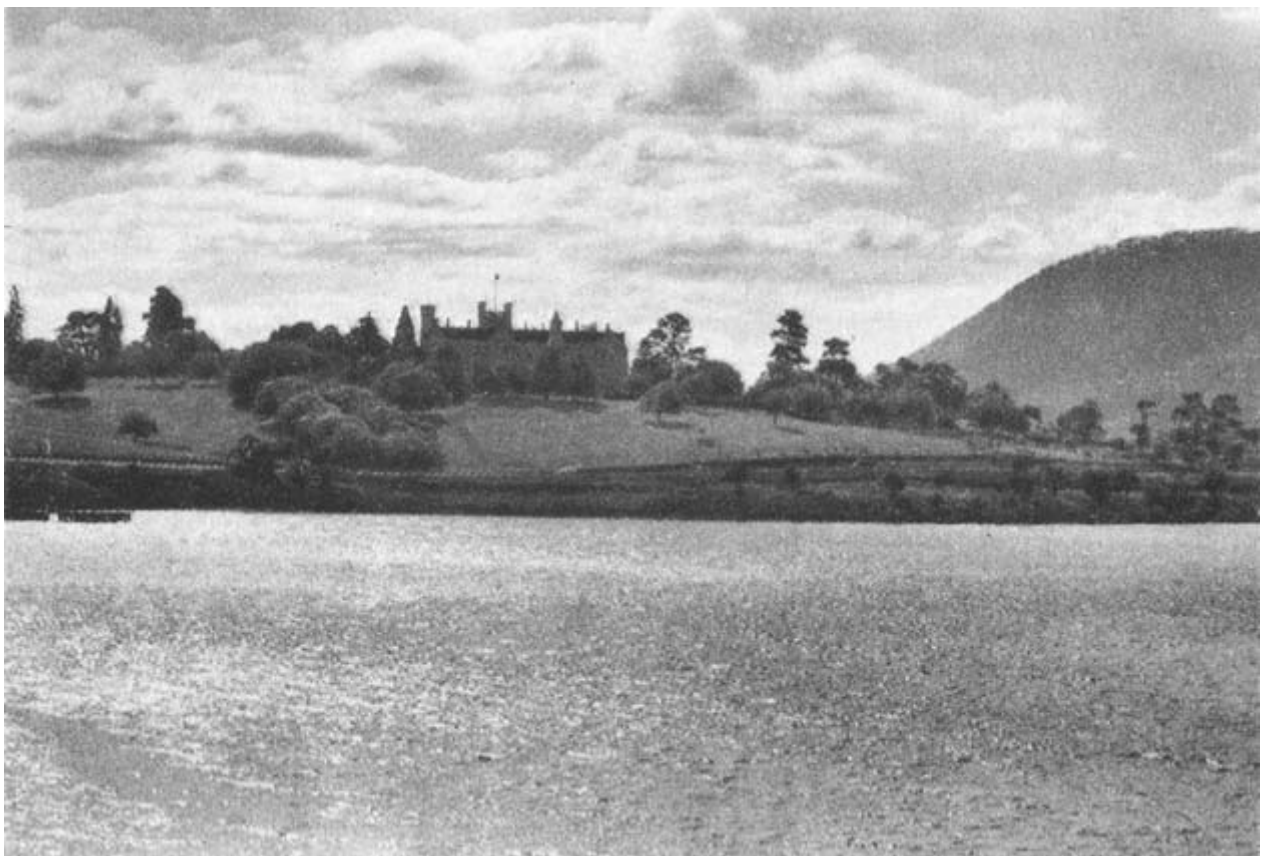
Горячий грог и медная серьга...

Об авторе

Иванченко Александр Семенович, литератор, член Союза журналистов СССР. Родился в 1938 году в селе Мисайловка, Богуславского района, Киевской области. Публиковаться начал в 1957 году как автор детских книг («Растите быстрее», «Волшебная шкатулка»). Автор много бродил по свету, плавал на рыболовецких и экспедиционных судах. Эти путешествия отражены в книгах «Золотой материк», «В Южной Африке», «Оскорбленные звезды», «Дороги мужества», «Пламя джунглей». В альманахах выступает вторично. Сейчас заканчивает книгу о своем кругосветном путешествии «Соленые мили» для издательства «Мысль».

В Южной Атлантике штормы бывают жестокими...

Тасмания, где теперь живет Том Морган, за тысячи миль от Британских островов, а чем это не английский пейзаж?

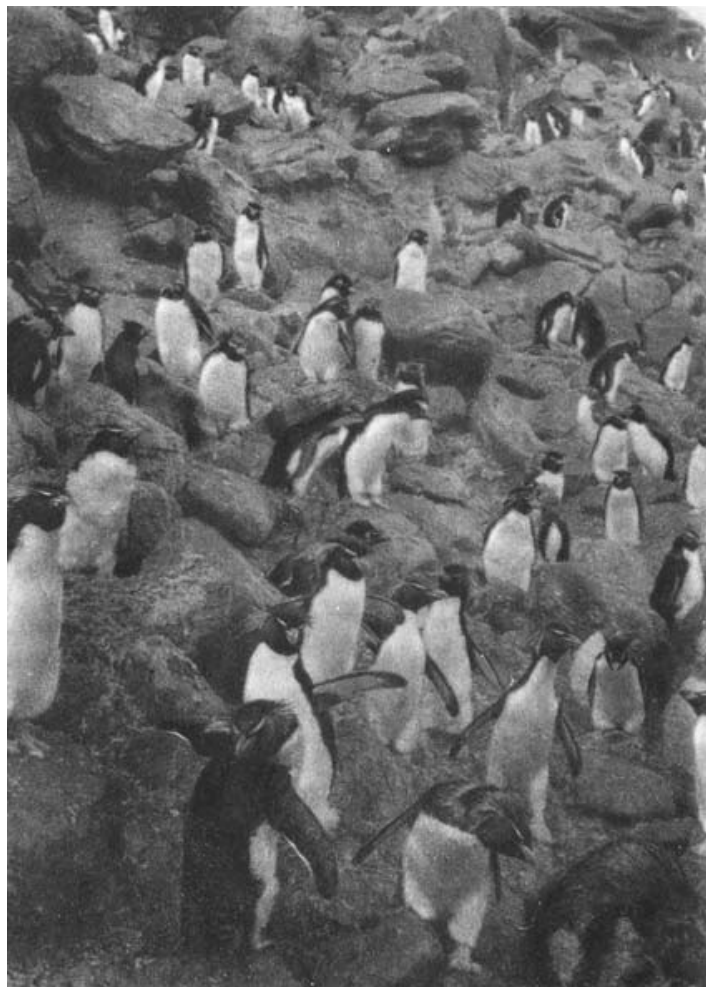
Этот морской слон чем-то недоволен. На всякий случай заходим с тыла.

Прекрасная природа острова Фату-Хива, и все-таки старший из Дэвисов предпочел обосноваться на суровых
Малуинах

Семья Дэвисов (слева на право): Джек, Энни, Редмонд, Маргарет, Агнесс

Основное население острова Нью-Айленд - пингвины

=====
Оцифровано с бумажного оригинала Дмитриенко М.А. (Алма-Ата) – grave14@yandex.ru 2009 г.
Для сайтов www.wasp.kz и www.pretich.narod.ru – любое использование данного материала должно
нести ссылку на эти веб-ресурсы!
OCR и обработка полностью соответствуют оригиналу – если Вы обнаружите ошибки, пожалуйста,
напишите мне по вышеуказанному адресу электронной почты!
=====

От редакции «Претич»:

Александр Семенович Иванченко (1936-2003 гг), от этого человека у меня осталось одно его письмо.

Давным-давно, когда мне было лет 13-14, я прочел вышеприведенный очерк «Трубка корсара», конечно, как и множество своих сверстников той поры (1978-1979 гг), я был страстно увлечен романтикой путешествий, «индейская», «пиратская» и подобные темы волновали меня... Я написал автору этого очерка письмо (адрес узнал через Адресный стол), с просьбой выслать фотографию этой трубки. И вскоре пришел ответ – Александр Семенович ответил на письмо явного подростка-двоечника из далекого села Маканчи, что в Семипалатинской области Казахстана... К сожалению, - писал Александр Семенович Иванченко – вашу просьбу выполнить не могу...

Увы, эта трубка была им подарена одному югославу...

Михаил Дмитриенко